

НАСЛЕДНИЦА

АЛЕКСАНДРА КИРОСИР

18+

Александра Киросир
Наследница: Дар Аэртейл

«Автор»

2026

Киросир А.

Наследница: Дар Аэртейл / А. Киросир — «Автор», 2026

Война богов никому добра еще не принесла. Вот и пришествие архидемона, Дарухая, который стучится в твой дом каждую тысячу лет, не исключение. Однако в противовес древнему злу, всегда рождается герой. И только наследнику суждено вступить в решающую битву. Жизнь людей так скоротечна, помнят ли они об угрозе? В королевстве, снедаемом бедностью, чей король купается в золоте, Рэнния, вчерашняя выпускница Академии Магии, пытается не спасти мир, а просто найти работу. В ее руках — заветная лицензия мага, билет в новую жизнь. Вот только что толку от билета, если все корабли уже уплыли?

Александра Киросир

Наследница: Дар Аэртейл

Пролог

В погоне за собственным предназначением легко сбиться с пути и окончательно запутаться, особенно когда неясно, какой из путей – твой. Цепляясь за призрачные нити праведности и доброты, ты лишь слепо умножаешь страдания в этом мире. Не постигнув сути бытия, ты мечешься в поисках оправдания и одобрения, которые не имеют к тебе никакого отношения.

Ты упиваешься гордостью, дав начало новой жизни, но нужна ли она этому миру? Он никогда не пустовал, он всегда был полон и жил по своим законам. Безрассудно вмешавшись в естественный ход вещей в попытке убежать от одиночества, ты лишь сотворила себе новую игрушку. Слабость, своеволие и слепота – вот чем ты наделила свои создания.

Мне жаль тебя, как отцу жаль неразумную дочь, ступившую на грешный путь. Можешь сколько угодно барахтаться в своих заблуждениях, но я покажу тебе всю их ничтожность.

С жалостью и снисхождением Даруххай наблюдал, как силуэт Аэртейл тает, поглощаемый артефактом-темницей. В его душе ликовала победа: теперь неразумная богиня не сможет помешать свершиться его правосудию. Пусть она и успела бросить своему народу последнее подношение, эти жалкие крохи силы не спасут их от его могущественной воли. Осталось лишь устранить то недоразумение, что она породила.

Теряя волю, заключенная в артефакте, богиня отчаянно боролась. Она понимала, что ее дети, ее народ, остались беззащитны перед жестокостью ее названного брата. Она знала, на какие муки обречет их Даруххай, божество хаоса и разрушения. Богиня многим пожертвовала, чтобы обрести смысл существования и не скитаться бесцельно по пустым мирам. Уже не в первый раз она даровала жизнь разумным созданиям, своим детям, так похожим на нее. Но каждый раз ее безжалостный брат отравлял их сердца, наполняя разум жаждой крови, власти и богатства. Он вытеснял из их сознания вложенные ею помыслы о великодушии, всепрощении и любви. Ее творения переставали верить в свою создательницу, забывали ее и тонули в пучине бессмысленных войн.

Но в этот раз... Этому не бывать! Они справятся с наваждением, воспрянут и дадут отпор истинному злу. И к победе их поведет ее Наследник.

Часть 1. Цветение юных дев

Глава 1. Здесь начинается история...

Испокон веков право писать историю принадлежит победителям. В грохоте сражений и под ликующие звуки победных фанфар справедливость отступает на второй план, погребенная под тяжестью триумфа. Летописцы, молчаливые свидетели смены эпох, торопливо выводят строки новых трактатов, в которых вчерашние тираны и узурпаторы предстают мудрыми и справедливыми правителями. Те, чьи руки еще вчера были по локоть в крови свергнутого монарха и его семьи, отныне именуются защитниками отечества. Злодеи, безжалостно травившие колодцы и обрекавшие на мучительную смерть целые гарнизоны, превращаются в героев и освободителей. Спустя всего несколько лет их имена вписывают в учебники, и вот уже новое поколение свято верит в благодетельность и величие новоявленного короля.

Народ безмолвствует, переходя от одного властителя к другому. Ужасающая правда заключается в том, что все всё понимают, но страх сковывает уста. Кто осмелится первым взойти на эшафот? В кровавой мясорубке борьбы за трон даже короткий период мира и относительного спокойствия воспринимается как величайшее благо. И пусть в этой борьбе гибнут тысячи невинных душ, оставшихся верными старой власти. Главное – собственная жизнь, а

что там начертуют на пергаменте придворные писцы, в конечном счете, не имеет никакого значения.

Нравы правителей в королевстве Детханна всегда отличались суровостью. Один тиран сменял другого, и каждый был хуже предыдущего; летописи не помнят подобного ужаса со времен Кровавого восстания на севере. Однако последние десять лет эта смута улеглась. Никто не берется предсказать, долго ли Валериан III удержит трон, но каждый подданный молится о его здравии.

Когда Валериан сверг своего старшего брата, безумного Дариса, народ вздохнул с облегчением. В отличие от своего предшественника, новый король слыл справедливым и радеющим о благе подданных. Вот только забота эта распространялась лишь на крупные торговые города, исправно пополняющие казну богатыми податями. Подавляющее же большинство населения – жители мелких деревень – были брошены на произвол судьбы. Им приходилось выживать в вечном страхе, отбиваясь от набегов таких же отчаявшихся, обезумевших от голода крестьян.

Алчность короля не знала границ. Поговаривают, он готов продать часть исконных земель эльфам, лишь бы туже набить кошину. И хотя пока это лишь слухи, зная ненасытные аппетиты Валериана, в них легко поверить.

Разумеется, делиться подобными умозаключениями на уроке истории, куда я сейчас неспешно бреду, нельзя. Казнить за такое не казнят, но об успешной сдаче экзаменов и окончании академии можно будет забыть. Ведь историю, как известно, пишут победители. А потому наш светлейший и великодушный Валериан III – благодетель, спаситель и герой. И никак иначе.

– О чем задумалась, Рэнь? Вечно ты хмуришься, взбодрись давай. – Лизетта, подхватив меня под руку, заглянула в лицо с искренним участием. Я лишь тяжело вздохнула, отгоняя крамольные мысли.

Принцесса Лизетта, дочь того самого Валериана III, училась со мной на одном курсе и тоже готовилась к выпускным экзаменам. Она была полной противоположностью отца – ангел во плоти, вся в покойную матушку. Белокурые кудри, бездонные голубые глаза, напоминающие озера северных земель, и улыбка, способная растопить ледники. Ее голос звенел, подобно эльфийской песне.

Лизетта слепо обожала отца, не вникая в политику и грязные слухи. Пусть он и сослал ее в эту захолустную академию магии, для нее он оставался идеалом. И если весь народ молчал из страха перед плахой, то Лиз искренне верила в красивую ложь. Порой ее детская наивность меня раздражала, но, признаться, она странным образом уравновешивала мой язвительный реализм.

– Да вот, думаю, какую бы еще сказку рассказать на экзамене старику Ингису. Этот старый хрыч уже неделю гоняет меня на пересдаче. Видите ли, моя версия истории ему не по нраву.

– Так расскажи ту, которую он ждет, – хихикнула она. – Ему ведь важны не твои размышления, а официальная версия и нормы программы академии. И перестань называть его старым хрычом, ведь он вовсе не старик и довольно милый дядька.

Ее смех напомнил мне о неприятном инциденте на третьей пересдаче, когда, в очередной раз услышав про «недостовверные факты», я не сдержалась и высказала профессору все, что думаю о правлении государя, да и о самом Ингисе тоже.

– Если ты такая умная, почему сама до сих пор не сдала историю? – недовольно буркнула я, высвобождая руку из ее цепкой хватки.

Стопка из трех толстенных тетрадей, которые я несла на суд Ингису, предательски накренилась. Исписанные от корки до корки мелким, убористым почерком, без единой помарки. Я провела три бессонные ночи в библиотеке, перелопачивая летописи, в слабой надежде, что хотя бы этот титанический труд зачтется. Старик Ингис падок на такое усердие.

– Обаяния мне не занимать, это правда. А вот терпения корпеть над книгами природа не дала, – Лизетта отвела взгляд, сжимая в руках свою тоненькую тетрадь. Видимо, тоже для Ингиса. – Это ты у нас можешь ночами не спать.

– Вот только одним обаянием выпускные экзамены не сдашь, не думала?

Слова ударили наотмашь. Глаза Лизетты мгновенно наполнились слезами. Она резко замерла посреди коридора, еще крепче вцепившись в свои записи. Лиз смотрела куда-то вдаль, сквозь пыльные, тускло освещенные своды Академии, и крупные слезы бесшумно катились по ее щекам.

Я осеклась, мысленно проклиная свой язык. Слова были справедливыми, но оттого не менее жестокими.

Судьбе принцессы королевства Детханна не позавидуешь. Родной отец, которого она так горячо любила, сослал ее в одну из самых захудалых учебных заведений столицы – магическую академию. И пусть здесь преподавали достойные учителя, Академия Магии и Целительства полностью оправдывала свою репутацию низкосортного заведения. Ветхое, не знавшее ремонта здание было унылым пятном на карте города и наглядным памятником королевской скупости. Зимой в его каменных стенах было холоднее, чем в северных пустошах, а летом – жарче, чем в южных пустынях. Жесткие каменные кровати с тощими, набитыми свалявшейся шерстью тюфяками. Крохотные окна, больше похожие на бойницы, почти не пропускающие дневной свет. И вечный голод – мизерных пайков, отмеряемых с поистине «королевской» щедростью, хватало лишь на то, чтобы не умереть от истощения.

И если для меня, сироты, даже такая крыша над головой казалась благом, то каково было принцессе, привыкшей к сияющим роскошью залам королевского замка, изысканным яствам и услужливым слугам? Попасть в нашу академию для нее должно было стать настоящим кошмаром. Но Лизетта никогда не жаловалась и не капризничала, стойко перенося все лишения. Откуда в этой изнеженной девушке взялось столько стойкости?

Впрочем, отец ее жертвенности не оценил. Пару месяцев назад он прислал известие, повергшее всех в шок: если наследная принцесса не окончит академию с отличием, она будет лишена права на престол. По его словам, глупая и бесталанная девица не может править королевством. Обычно в таких случаях принцесс выдают замуж за сильного и мудрого принца, в крайнем случае сына графа или барона, но Валериан, по-видимому, отказался даже рассматривать второй вариант.

Учеба давалась Лизетте из рук вон плохо. Она и впрямь не была создана для корпения над книгами. Ее девичий мир вращался вокруг нарядов, украшений и мечтаний о любви – о прекрасном принце, который увезет ее в свою сказку. Разбираться в отличиях болотной кикиморы от морской девы было занятием не для нее. Я никогда не винила Лизетту, ведь у каждого свой путь к счастью. А вот ее отца, жадного короля, чужое счастье не интересовало в принципе. Можно было бы предположить, что он ставит благополучие королевства выше родственных уз, но в эту сказку не верил никто.

Тем временем Лизетта смахнула слезы и заставила себя улыбнуться. Ее улыбка была настолько печальной, словно последней в ее жизни.

– Не осуждай меня, Рэнь. Я просто хотела жить, как принцесса из сказки. Но моя сказка закончилась, так и не начавшись.

– Ну-ну, не раскисай. Сколько нам? Всего по семнадцать. Десять лет назад ты переступила порог этой академии и с тех пор ни разу не сдалась. Так зачем начинать сейчас? – Я порывисто шагнула к ней, желая обнять, но проклятые тетради в руках предательски качнулись, едва не разлетевшись по всему коридору.

– Раньше я жила надеждой, что все это – лишь дурной сон, и я вот-вот вернусь домой. Теперь надежды нет. Но ты права, я дойду до конца. Пойдем, магистр Ингис нас заждался.

Лизетта решительно зашагала вперед, гордо вскинув голову. Она даже нашла в себе силы мило подмигнуть нашему однокурснику Вилкасу, который как раз выходил из кабинета истории. Судя по его довольной улыбке, он наконец-то одолел проклятый предмет. Я лишь завистливо вздохнула. Мои мучения были еще впереди.

– Ну, кто первый? – кивнула я на тяжелую дубовую дверь.

– Я, – без колебаний ответила Лизетта и скрылась за ней.

По ногам потянуло ледяным сквозняком. Я поежилась и прислонилась к холодной каменной стене. Середина осени, что тут скажешь. В голове – ни единой мысли, пусто, словно в миске нищего. Я замерла, прислушиваясь к тишине за дверью, и с удивлением поняла, что за Лизетту переживаю куда больше, чем за себя. В конце концов, что мне терять? Сдам я экзамен или нет – меня ждет улица. А у нее, у принцессы, оставался хотя бы призрачный шанс на крышу над головой.

Родители – опора и поддержка. У меня же опорой была лишь плетеная корзина, в которой мать оставила меня на пороге этой самой академии. Мое будущее – нищета и голодная смерть в подворотне. Разве что повезет пристроиться прислугой к какому-нибудь толстосуму или перебиваться мелкими поручениями от городской стражи. Тогда, быть может, протяну чуть дольше.

С работой в столице было туго. Две академии ежегодно выпускали не меньше полусотни магов и целителей всех мастей, а моя лицензия давала право практиковать лишь в пределах Астаре, столице Детханн. Уехать – не вариант. Король, в своей параноидальной жажде контроля, запретил магам селиться в провинциях. Боялся, что, освоившись вдали от его бдительного ока, они поднимут бунт. Из-за этой политики столица была перенасыщена магическими талантами. Большинство выпускников, не найдя места, со временем превращались в чернорабочих – мели улицы и чистили сточные канавы. Оставался еще один путь – наняться в охрану торгового каравана, но это было верной дорогой на тот свет для тех, кто не силен в боевых заклятиях.

За пределами столицы царил хаос. Беглые маги, лишённые лицензий, практиковали втайне и в борьбе за выживание не гнушались ничем, лишь бы их не обнаружили. Одни, рискуя жизнью, за гроши и клятву молчания помогали отчаявшимся жителям деревень. Другие, озлобленные и доведенные до отчаяния, срывали свою ярость на беззащитных: разоряли целые поселения, насылали мор на скот, сжигали дома неугасимым магическим пламенем и проклинали детей, обрекая их на мучительную смерть.

Но и тех, и других ждал один конец – смерть от руки Карающих Мечей Астрала. Эта созданная королем организация состояла из таких же магов, чьей единственной задачей было выслеживать и уничтожать отступников. Для мага, практикующего без лицензии, не существовало ни штрафа, ни тюрьмы. Только смерть.

– Рэнь! – из-за двери выпорхнула сияющая Лизетта.

– Ну что, сдала? – Я с трудом оторвалась от холодной стены и устало потянулась. Ее экзамен тянулся, казалось, целую вечность.

– Да! С трудом, но я справилась! Это был последний. Теперь только финальное испытание... Знаешь, я... я даже начинаю надеяться.

– Вот и славно. А теперь моя очередь.

– А-а, юная Рэнния, – голос Ингиса сочился снисхождением. Он смотрел на меня осуждающе, уже предвкушая привычную битву с непокорной ученицей. – Прошу. Смотрю, вы сегодня во всеоружии?

– Да, магистр. На этот раз я докажу вам, что история – ложь, а летописи пишут трусливые приспособленцы, которым дорога лишь собственная шкура.

Он медленно поднялся из своего массивного кресла и с кошачьей грацией приблизился ко мне. Ингис не был стар – мужчина в самом расцвете сил. Черные, как и мои, волосы

вились крупными кольцами в вечном художественном беспорядке. Пронзительные зеленые глаза, казалось, стремились заглянуть в самую душу, обесценить, унижить. И эта его учтивая улыбка, манеры аристократа, властный, с легкой хрипотцой голос... Старый извращенец.

– Что, простите? – Улыбка сползла с его лица, сменившись неподдельным изумлением.

– Я говорю, методы, используемые современными историками, порой искажают сведения об эпохальных событиях в угоду действующей власти, – поспешно поправилась я, мысленно прикусив язык. Еще одно неосторожное слово, и я вылечу из академии прямым путем в тюрьму.

Ингис смерил меня презрительным взглядом и, решив, видимо, что я не достойна его внимания, молча отвернулся к огромному книжному шкафу. Бесчисленные фолианты, один толще другого, молчаливо взирали на меня с высоких полок, храня вековую ложь. Одни фолианты – в роскошных, шитых золотом переплетах, другие – потрепанные, зачитанные до дыр.

– Взгляни, – Ингис указал на стеллажи, – это труды великих ученых, летописцев и историков. И ты смеешь утверждать, что вся их жизнь, весь их труд – лишь лживые книжонки? Возможно, у тебя и есть своя правда, но ты видишь мир в искаженном свете юношеского скудоумия. Ты должна научиться уважать старших. И пока ты сама ничего не доказала, пока остаешься беспомощным ребенком, изволь склонить голову.

Его голос звучал ровно и спокойно. Это была не гневная тирада, а очередная лекция для несмышленного дитя.

– Но, магистр, если я буду молчать, как же я смогу что-то доказать?

– По-твоему, лучше нести любую чушь, лишь бы добиться своего? Научись держать язык за зубами, пока не сможешь сказать что-то действительно умное. – Он выхватил у меня из рук конспекты и небрежно швырнул их на стол. – Это останется у меня. Я допущу тебя к итоговому испытанию. В конце концов, прежде чем осуждать историков, нужно знать, о чем они пишут. А предмет ты знаешь неплохо. – Ингис грозно нахмурился, скрестив руки на груди, и с минуту буравил меня взглядом. – Следи за языком, дитя. Не всякий будет столь же терпелив и снисходителен.

– Благодарю вас, магистр Ингис. Я запомню этот урок.

– Подъём! – На следующее утро нас привычно вырвал из сна пронзительный вопль Живчика.

– Живчик, вечно ты со своими подъемами, – простионала Лизетта, пряча лицо от утреннего света. – Хоть бы раз дал поспать по-человечески.

– Сдашь экзамены – будешь валяться в своих королевских палатах хоть до полудня, – проворчал ярко-красный попугай, гордо восседавший на своей жердочке у окна.

Помимо величественной архитектуры, столица королевства хранила еще одно магическое чудо. Несколько десятилетий назад придворный маг, экспериментируя с заклинаниями, пытался создать идеальных шпионов для короны. Его задачей было вывести породу маленьких, неприметных серых птичек, которые, проникая повсюду, собирали бы слухи и доносили о заговорах, держа горожан в вечном страхе перед всевидящим оком власти.

Но то ли маг был бездарен, то ли звезды в тот день сошлись не так, но вместо стаи серых птичек на свет появились полчища огромных цветастых попугаев. Наделенные острым умом и человеческой речью, они оказались совершенно неуправляемы и мгновенно разлетелись по городу. Вместо тайных агентов столица получила армию пернатых сплетников, которые с энтузиазмом собирали все слухи, домыслы и тайны, чтобы тут же растрепать их на ближайшей площади.

Поймать их было практически невозможно, а королю эта забавная «особенность» столицы пришлась по вкусу, и говорунов оставили в покое.

Нашему Живчику, однако, не повезло. Год назад он угодил в когти голодной кошки, и лишь наше с Лизеттой вмешательство спасло его от незавидной участи. С тех пор он жил с

нами, став нашим маленьким талисманом. Удивительно, но он презирал сплетни, вел почти аскетичный образ жизни, не общался с сородичами и крайне редко покидал нашу комнату.

– Дожили, бракованный попугай учит нас жизни, – проворчала я, переворачиваясь на другой бок и натягивая одеяло на голову.

Живчика мое ворчание ничуть не смутило. Он спрыгнул с жердочки прямо мне на подушку и больно клюнул в затылок.

– Эй!

– Вставай. Завтракать и на тренировку. Провалите экзамены – кормить меня будет нечем.

Лизетта, вздохнув, все же сползла с кровати и принялась копаться в шкафу, который ломился от ее нарядов, украшений и прочего девичьего барахла. На этом фоне моя единственная, застиранная до серого цвета рубашка, которую я носила третий год, выглядела особенно жалко.

– Рэнь, может, наденешь сегодня что-нибудь приличное? Я могу дать тебе что-то из своего, – предложила она.

– И с чего бы мне наряжаться? – Я тоже встала. Смахнув с подушки наглого попугая, я кое-как заправила постель тонким одеялом. Стянув растрепанные черные волосы в хвост, я принялась натягивать старые серые штаны.

– Ну как же... сегодня вечером бал.

– И это ты называешь балом? – усмехнулась я, подходя к стулу с тазиком ледяной воды. Умывание не доставляло ни малейшего удовольствия, но хотя бы помогало проснуться.

Это убогое сборище для выпускников гордо именовалось «балом». Пафосные речи директора и магистров да трио нанятых на пару часов бродячих музыкантов – вот и все веселье. Сама я там ни разу не была, но Лизетта, которую однажды сводил туда ее ухажер, целую неделю захлебывалась восторгом, снова и снова пересказывая, как там было «здорово».

– Конечно, с дворцовыми приемами не сравнить, но все же... Это событие бывает раз в жизни. Неужели ты его пропустишь?

– Пропущу. Вечером я иду в библиотеку, нужно поднять книги по магическим растениям. Есть у меня одна догадка насчет нашего испытания. Я видела, как в экзаменационный зал входил магистр Нэрок, а он, как ты помнишь, как раз специализируется на всякой ядовитой флоре. Интересно, какую гадость он приготовил на этот раз?

– Да какая разница? Не угадаешь ведь. Будешь читать про одно, а он притащит совсем другое. Только праздник пропустишь. – Лизетта, не слушая меня, заплела свои золотистые кудри в сложную косу, надела новую жилетку из мягкой кожи вулрака, расшитую серебром, и прицепила на пояс небольшой кинжал. Главное оружие мага – его заклинания, но нас учили и основам боя. На тренировках с магами-воинами мы до седьмого пота оттачивали простейшие приемы, которые однажды могли спасти нам жизнь.

Я не ответила, лишь молча подхватила свой кинжал и направилась в столовую. Лизетта поспешила за мной, но спорить не стала – бесполезно. Она знала, что я всегда предпочту пыльную книгу сомнительному веселью. В конце концов, на поле боя меня спасут не светские манеры и умение танцевать, а знание слабых мест противника.

Тренировочная площадка кишела народом. В преддверии финальной инициации студенты тренировались на износ: провал означал лишение лицензии, а без нее все годы учебы шли прахом, превращая жизнь в сущий ад.

– Гляжу, и вы решили размяться, – к нам неторопливо подошел Конрад. Высокий, коротко стриженный маг-воин, он сжимал в руках эспантон – нечто среднее между копьём и алебардой. Сомнительное оружие, но руническая магия делала эффективной даже такую диковинку.

– И тебе не хворать, – буркнула я, выискивая глазами свободный тренировочный манекен.

– Привет, Конрад! Сияешь сегодня, как начищенный таз, – хихикнула Лизетта. – Выпал удачный спарринг?

Конрад смутился, но постарался этого не показать. Он давно и безнадежно был влюблен в Лизетту, но природная робость, скрытая под доспехами, не позволяла ему сделать первый шаг. Так и ходил кругами, робко оказывая ей мелкие знаки внимания.

– Хочешь потренироваться в паре, Лизетта? – от его внезапной смелости удивилась даже я. – Я вижу, ты носишь кинжал. Есть пара приемов, которые отлично подойдут девушке.

– Правда? – Лизетта, кажется, тоже была поражена его напором и неподдельно заинтересовалась.

Я решила оставить эту внезапно образовавшуюся парочку и направилась к свободному манекену. Грубо вытесанный из цельного куска дерева болван с шаром вместо головы и палками вместо рук энтузиазма не вызывал, но удары отрабатывать было нужно. В академии нас обучали лишь основам владения холодным оружием, предоставляя каждому выбрать свой стиль в зависимости от комплекции и подготовки. Нам, магам-заклинателям, стандартно выдавали рондели – кинжалы с жесткой рукоятью и острым граненым клинком, идеальным для точных колющих ударов. Это было оружие последнего шанса, когда противник прорывался вплотную – крайняя мера для заклинателя, но основа боя для мага-воина.

Тактика мага-воина – полная противоположность искусству заклинателя. Если мы, колдуны, полагаемся на дистанцию и мощь собственного, зачастую обширного, источника маны, то они – бойцы передовой. Не обладая от рождения большим магическим резервом, который невозможно развить, а можно лишь научиться лучше концентрировать, они вверяют свою жизнь артефактному оружию. Такой артефакт, связанный с носителем при инициации узами, подобными кровным, обладает собственным, самовосстанавливающимся источником силы. Для его активации требуется лишь мысленное усилие и капля собственной маны владельца. Выбор делается один раз и на всю жизнь.

На плацу творился хаос, тренировались все и очень усиленно. Приближение финального аттестационного экзамена, пробудило желание «размять» базовые боевые заклинания у всех, от магов-воинов до некромантов.

Нечто пронеслось мимо – нескладный кошмар, сшитый из чужих смертей. Голова быка, тело лошади, чешуйчатый хвост аллигатора... Это уродливое создание, призванное из ошметков чужой плоти, неуклюже пыталось затоптать одного из боевых магов.

Детище некромантов. Какая гадость.

Меня передернуло. Некромантия, была вполне себе легальной и признанной магией. Но от этого она не становилась менее омерзительной. Я даже представить не могла, кем нужно быть, чтобы добровольно избрать своим ремеслом копание в чужих кишках и лепку из них боевых марионеток.

Впрочем, это все же лучше, чем их ближайшие «родственники» – некромаги. Те не брезговали человечиною, похищая не только тела, но и их магический очаг, чтобы соткать из них нечто еще более уродливое и противоестественное.

– Если будешь и дальше стоять столбом, тебя прикончат в первом же бою.

Мои размышления прервал грубый окрик. За спиной, бесшумно подойдя, стоял тренер Трир'егт. В его руке был короткий меч, и весь его вид говорил о готовности немедленно пустить его в ход.

– А если вы будете так предупреждать каждого противника, то упустите шанс на победу.

Хвататься за кинжал не было смысла – против мага-воина в ближнем бою я не продержусь и мгновения. Я отшатнулась, уходя с линии атаки и прячась за манекен. Меч тренера со свистом рассек воздух там, где я только что стояла.

– Не лучшего ты выбрала защитника, – усмехнулся он.

Его меч вспыхнул алым – Трир'етту даже не понадобилось заклинание. Я не обладала его скоростью, но успела сплести перед собой малый оберег-щит, отступая еще на пару шагов.

– Место для отступления скоро закончится. Или ты решила сбежать с поля боя?

Я знала – в настоящем бою он не стал бы тратить время на разговоры, давая мне собраться с мыслями. Но я не теряла ни секунды. Вместо того чтобы оттолкнуть сотворенный щит от себя, я метнула его в сторону – прямо в манекен.

Хлипкая деревяшка разлетелась в щепки, и я получила то, на что рассчитывала: на мгновение ослепленный дождем из обломков, Трир'етт потерял меня из виду. Этого хватило. Тонкие нити молний сорвались с моих пальцев. Простое оглушающее заклятие, «Электрошок», – идеальное оружие в ближнем бою. Еще мгновение – и оно бы достигло цели, но тренер, даже не видя меня, выставил вперед меч. Одна из рун на рукояти вспыхнула бирюзой, и мое заклятие бесследно растворилось в воздухе.

– Слабовато для выпускницы, – усмехнулся он.

Но я уже не слушала, срываясь с места и бросаясь в противоположную сторону.

– Осторожный маг – живой маг! – крикнула я ему через плечо, петляя между другими студентами.

– Верно! Но не забывай прикрывать спину! – донесся до меня его голос.

Трир'етт крутанул мечом, и волна раскаленного воздуха ударила мне в спину. Я вильнула в сторону, пытаюсь уклониться, запнулась о первый попавшийся камень и растянулась на земле, больно приложившись подбородком.

– Урок усвоен, – простила я, неловко поднимаясь и потирая уши.

– Пытаюсь перехитрить противника, не перехитри саму себя, Рэнния, – Трир'етт подошел и одним рывком поставил меня на ноги. Он часто вот так, без предупреждения, нападал на учеников, проверяя нашу реакцию. По его мнению, маг должен быть готов к бою всегда: и во сне, и в отхожем месте, и уж тем более на тренировочной площадке.

После обеда я закончила тренировку. Лизетта все еще была занята внезапно осмелевшим Конрадом, так что готовиться к экзаменам я решила в одиночестве. Так даже лучше – можно собраться с мыслями и ни на что не отвлекаться.

Легкий ветерок донес с кухни аромат супа с клецками. Желудок предательски заурчал, требуя свою порцию после долгой тренировки, но у меня были другие планы. Я хотела в последний раз обойти академию, заглянуть в теплицы с редкими растениями и, конечно, в библиотеку. Ведь завтра, как только лицензия мага окажется у меня в руках, ворота этого места закроются для меня навсегда. И хотя я презирала это место, мысль о том, что скоро придется навсегда покинуть эти холодные стены, в которых прошло все мое сиротское детство, отзывалась в душе тихой, непрошеной грустью.

«...Мана развращает растения, преобразуя их в новые виды и наделяя как полезными, так и весьма опасными способностями. Однако это не относится к растениям, изначально обладающим магическими свойствами. Растения-гибриды, или, проще говоря, магические сорняки, могут быть чрезвычайно опасны. Их эволюция обусловлена окружающей средой и происхождением самой маны...»

Просидев весь вечер в библиотеке за научными трактатами, я так и не нашла ничего полезного. Лишь общие теории, а на изучение всего перечня магических сорняков ушло бы лет двести. К счастью, у меня хватило ума не сидеть над книгами всю ночь и выспаться перед испытанием. Лизетта же, вернувшись со своего «бала» далеко за полночь, выглядела не лучше вареной картофелины.

– Была слабая надежда, что ты решишь хотя бы выспаться перед экзаменом, – шепотом отчитывала я Лизетту, когда мы остановились перед дверями зала инициации.

– Живем один раз! Ничего, как-нибудь справлюсь, – Лизетта изо всех сил старалась выглядеть уверенной и не зевать, но получалось у нее откровенно плохо.

Инициация в академии проходила для всех одновременно – и для заклинателей, и для воинов. Испытание было одно на всех – то ли из-за лени магистров, то ли из-за их специфического чувства справедливости. А чтобы никто не проболтался о задании, из зала был второй выход, в другой коридор.

– Прошу внимания! – перед входом в зал встал наш директор, низенький седовласый старец, который уже не один десяток лет произносил одну и ту же напутственную речь. – Прошло ровно десять лет с того дня, как вы переступили порог Академии магии и боевых искусств. Мастера и тренеры вкладывали в вас одни и те же знания, давая равные возможности подготовиться к этому дню. Сегодня вам дается шанс проявить себя. Какие заклинания и методы вы будете использовать – ваше дело. За этими дверями ваша задача – выжить и обезвредить противника. Если вы лишитесь сознания или потерпите поражение, вы не погибнете – мастера следят за ходом испытания. Однако вы не получите лицензию и право на работу в королевстве. Отнеситесь к этому серьезно. Второго шанса не будет. Пусть сегодня пройдут только самые достойные. Надеюсь, старания ваших наставников не прошли даром.

Директор развернулся к тяжелым, окованным железом дубовым дверям. Стоило ему взмахнуть рукой и произнести слова заклинания, как железные полосы, раскалившись докрасна, со скрежетом уползли в пазы в стене. Двери распахнулись, и из зияющей черноты зала пахнуло ледяным холодом, взметнувшим полы его мантии. Внутри нас ждала лишь тьма.

Удалившегося директора сменил тренер Трир'етт. Сверяясь со списком, он начал вызывать студентов по одному.

Сердце Лизетты забилось чаще, когда ее имя выкрикнул Трир'етт, вызывая на инициацию. Она заставила себя улыбнуться и обняла подругу, скрывая за этой вымученной маской волну ледяного ужаса. Ноги стали ватными, а мысли в панике метались, не находя выхода. Бежать было некуда.

«Соберись, ты справишься», – мысленно приказала Лизетта себе, хотя в глубине души понимала: будь она прилежнее в учебе, этот страх не был бы таким всепоглощающим. Годы в академии, поначалу казавшиеся невыносимым кошмаром, со временем превратились в странное, почти счастливое забытие. Вдали от дворцовой скуки с однообразными будничными днями прилежной наследной принцессы, в кругу сверстников, она почти поверила, что этот «страшный сон» не такой уж жуткий. Лиз тосковала по дому и матери, но утешала себя мыслью, что эта разлука – лишь временное испытание, которое сделает радость возвращения еще слаще, а объятия матери – еще дороже. Но письмо с приказом отца разрушило иллюзию будущего, окунув в суровую реальность.

«...Если думаешь, что можешь просто кутаться в разноцветное тряпье и сидеть без дела, как твоя мамаша, то ты глубоко заблуждаешься. Я отправил тебя в академию в надежде, что государство получит в твоём лице сильного мага, опору трона. На престол взойдет могущественный правитель, а не изнеженное дитя. Ничуть не сомневаюсь в твоём провале на экзаменах. Так что имей ввиду, без лицензии ворота дворца для тебя будут закрыты. Не беспокойся, я найду тебе достойную замену – сильного мага или представителя древнего и богатого рода. Мой тебе совет: не попадайся мне на глаза и не создавай лишних проблем, связанных с твоим изгнанием. Если, конечно, дорожишь своей жалкой, никчемной жизнью...». За холодными, безжалостными строками отцовского послания Лизетта наконец разглядела горькую, удушающую правду. Ее никогда не ждали дома. Ее презирали с самого рождения, за один-единственный, непростительный в глазах отца грех – за то, что она родилась слабой дочерью, а не тем сильным, долгожданным наследником, о котором он мечтал. Короне не нужен был сильный маг. Будь иначе, ее отправили бы не в эту захудалую академию, где в лучшем случае учили

травничеству да самым азам колдовства. Отец, конечно, обо всем этом знал. Ему просто нужно было сбавить куда-то ненужную наследницу, чтобы выбрать лучший вариант для страны и короны.

Женитьба короля, стала вынужденным политическим союзом с Империей Симгала. Десятилетиями пираты островной империи разоряли торговые пути и портовые города Детханнны, и в обмен на хрупкий мир Валериан взял в жены младшую дочь императора. Но вместо могущественного союзника он получил лишь вечно хворающую, слабую жену. Само рождение ребенка в этом браке было сродни чуду, но когда на свет появилась Лизетта – такая же хрупкая и нежная, как и ее мать, – стало ясно, что других детей не будет. А королевству, где военные перевороты – дело более привычное, чем полнолуние, такая правительница была не нужна.

С одной стороны, отец поступил как последний предатель, лишив принцессу законного трона. С другой – он сохранил ей жизнь и не стал убирать с пути при помощи наемных убийц. Но жить с мыслью, что тебя предали, что тобой поиграли и выбросили, как сломанную куклу, было невыносимо. Что, если Лизетта все же получит лицензию и явится во дворец? Формально она выполнит наказ отца, но в реальности ни о какой силе или великом колдовстве даже и мечтать не следует. Вступится ли за дочь Королева-мать, потребовав от мужа признать ребенка? И какую новую ложь Валериан придумает, чтобы избавиться от помехи трона? Лизетте не хотелось этого проверять, но в конце концов, идти было больше некуда.

Смело шагнув из непроглядной тьмы, она очутилась на залитой солнцем лесной поляне. Изумрудная трава, усыпанная дикими цветами, мягким ковром устилала землю. Вокруг могучего, раскидистого вяза вился кристально чистый ручей, тихо журча и переливаясь на свету. Идиллический пейзаж казался настолько безопасным, что Лизетта, забыв обо всем, подошла к дереву и коснулась его шершавой, чуть влажной коры ствола.

– Какое чудо... Как им удалось создать такое в стенах академии? – прошептала она, оглядываясь в поисках подвоха, своего испытания. Слова директора об опасности казались здесь неуместными, абсурдными...

Но стоило Лизетте на мгновение задуматься, как внезапно земля ушла из-под ног. Свисавшие с ветвей лианы ожили, змеями метнувшись к ней. В долю секунды они опутали ее тело, сжимая грудную клетку с такой силой, что из легких вырвался весь воздух. Голова закружилась, перед глазами поплыли темные пятна. Она отчаянно пыталась сплести заклинание, но мысли путались, концентрация ускользала. Рука дернулась к кинжалу на поясе, но цепкие плети уже добрались до ее шеи, безжалостно перекрывая последний доступ к кислороду. «Как глупо...» – пронеслось в ее угасающем сознании. Из мрака выступил чей-то силуэт, но прежде чем она успела его разглядеть, мир померк окончательно.

Окутавшая меня тьма экзаменационного зала не смутила, а скорее принесла облегчение. Я никогда не любила толпу. Дешевый трюк, часто используемый магами для дезориентации противника. Хотя обычно это заклинание покрывает лишь небольшой участок, здесь магистры постарались на славу, скрыв в непроглядном мраке весь зал.

Лишиться зрения, пусть и на время, – неприятно. Нужно было двигаться. Десяток шагов – и мрак рассеялся. Передо мной раскинулась небольшая поляна, залитая мягким светом. Вокруг могучего вяза с пышной кроной вился ручей, с ветвей дерева свисали длинные тонкие лианы. Мое внимание привлек ручей – от него исходило слабое, едва уловимое покалывание маны.

Ничего более подозрительного я не заметила и, подойдя к ручью, присела на корточки. Стоило мне протянуть руку к воде, как пронизывающий холод академии сменился приятным теплом. Я было подумала, что его источник – заряженная маной вода, но ошиблась. Едва заметное шевеление ветвей вяза заставило меня насторожиться. Ветра не было.

Я вскинула голову. В то же мгновение лианы, до этого безвольно свисавшие с ветвей, взвились в воздух и, подобно зеленым молниям, метнулись ко мне. Резкий прыжок в сторону спас меня от первой атаки, но я потеряла равновесие.

«Плотоядная роша!» – легко догадалась я. Это не просто дерево, а целая экосистема, мутировавшее растение. Источник силы – ручей. Его мана, опоясывая вяз, извратила его, превратила в хищника. Такие природные источники обычно безопасны для магов, даже полезны – быстрый способ подзарядить резерв. Но иногда они вызывают мутации. Энергия, должно быть, скопилась в корнях. Сердце, питающее эту тварь, находится там.

Времени на размышления не было – новая волна лиан уже неслась ко мне. Я едва успела выставить малый оберег-щит. Вихрь воздуха, заключенный в нем, искромсал часть плетей, но само заклинание тут же рассеялось. Дешево и сердито, но это дало мне секунду, чтобы вскочить на ноги.

Плотоядная роша тоже не медлила, создавая все новые плети лиан. Они доставали меня повсюду, вынуждая отступать, уклоняться, снова и снова возводить хрупкие щиты. Этот смертельный танец безжалостно вытягивал из меня ману. Очаг манны был почти пуст. Еще пара небольших заклинаний – и я останусь безоружной.

«Нужно что-то придумать, и срочно!» – мысль билась в голове, но паника и страх сковали разум, мешая сосредоточиться. Я отчаянно пыталась взять себя в руки, судорожно перебирая в памяти все, что когда-либо читала о магических растениях.

Я протянула руку к ручью, отчаянно втягивая в себя его силу:

– Давай же! – закричала кричала я, боковым зрением видя, как обрубки лиан с неестественной скоростью отрастают вновь.

Поглощение энергии из воды, занимает время, а лианы ждать не собирались. В последнее мгновение, когда они были буквально в сантиметре от моей кожи, я ударила последним, на что была способна. Воздушный серп, сорвавшись с моих пальцев, полумесяцем пронесся у самой земли, обрубая лианы и вырывая из-под корней комья влажной почвы. Есть! В обнажившемся сплетении корней тускло пульсировало слабое сияние. Сердце.

Еще пара секунд – и поток энергии из ручья хлынул в меня, обжигая вены. Вода взметнулась вверх, повинаясь моей воле, и застыла длинным, зазубренным ледяным шипом. Буквально собрав в себе последние капли сил, я швырнула его в пульсирующее сердце и рухнула на землю, не устояв на ногах от нахлынувшей слабости.

К моему ужасу, шип, не долетев до цели, растаял в воздухе.

– Хватит! – прогремел за спиной голос магистра ботаники. – Испытание пройдено.

– Вы безумцы... как вы вообще затащили сюда плотоядную рошу... – прошептала я и, с чувством выполненного долга, позволила себе провалиться в темноту.

Первое, что пробилось сквозь ватную пелену беспамятства, – это чей-то пронзительный, возмущенный крик. Голова, налитая свинцовой тяжестью, казалось, вросла в подушку. В ушах стоял гул, но сквозь него я все же смогла разобрать слова.

– Я работаю в этом лазарете двадцать лет! И чтобы меня, целительницу с многолетним стажем, учил какой-то вшивый попугай!

– Значит, двадцать лет коту под хвост, раз ты до сих пор не можешь отличить лечебное зелье от отравы. Хватит пичкать их этой дрянью, старая карга. – Это ворчание я бы узнала и на смертном одре. Живчик.

– Да как ты смеешь, паршивая птица! Мои зелья тысячи людей на ноги поставили!

– Интересно, далеко ли они ушли? Полагаю, поползли в сторону ближайшего кладбища.

– Что-о-о?! Да я тебя сейчас... – Терпение целительницы, кажется, лопнуло.

– Госпожа Мариэта! Вы спорите с попугаем? – в перепалку вмешался удивленный мужской бас.

– Прошу, простите его. Он впитывает знания как губка, а я часто готовлю мази и отвары вместе с ним. Вот и нахватался всякого. – Лизетта робко пыталась защитить пернатого засранца.

С неимоверным усилием я оторвала голову от подушки и разлепила веки. Лизетта лежала на соседней койке. Серьезных ран видно не было, лишь шея была аккуратно перебинтована. А на спинке ее кровати, нахохлившись, восседал Живчик, готовый в любой момент отразить атаку разгневанной целительницы.

– Лизетта! Ты как... – слова застряли в горле. Неужели это мой голос? Вместо привычной речи из груди вырвался скрип старой, несмазанной дверной петли.

– Рэнь! Ты очнулась! – лицо Лизетты озарила радостная улыбка, на щеках заиграли ямочки. Она попыталась приподняться, но Живчик был начеку. Резкий клевок в затылок оборвал ее порыв. Лизетта ойкнула и потеряла ушиб ладошкой, дернув в отместку наглеца за длинный красный хвост.

– Но-но! – Живчик быстренько перебирая лапками отошел на другой край своей импровизированной жердочки. – Тебе нельзя вставать! Я же забочусь!

Взгляд выхватил из полумрака знакомую фигуру. Мастер Ингис.

– Мастер... – из горла вырвался такой жуткий скрип, что даже Живчик недовольно поежился.

– Молчи, Рэнния, – Ингис подошел ближе и присел на край моей кровати. Его рука властно, но в то же время осторожно надавила мне на плечо, заставляя лечь обратно. – Магическое истощение – пренеприятная штука. Голос вернется, не переживай. Я зашел проведать вас и убедиться, что наша героиня идет на поправку.

– Мастер, вы пришли огласить результаты? – в голосе Лизетты звучала плохо скрываемая тревога. Неужели она сомневается?

– И это тоже, – кивнул он и снова повернулся ко мне. – К слову, Рэнния, уничтожить объект испытания было совершенно необязательно. После твоей выходки бедному магистру Абелоту пришлось полночи возиться с рощей, заново заряжая источник.

– А... так вот что это было, – тихо прошептала Лизетта. Понимание и горечь исказили черты ее нежного лица. Она поджала губы и отвернулась, пряча взгляд.

– Ты ее практически уничтожила, – продолжил Ингис. – Если бы магистр Трир'етт не растопил твой ледяной шип, остальным студентам просто не на чем было бы сдавать экзамен. Весьма похвально для начинающего мага. В любом случае, – он протянул мне свиток, – я принес твою лицензию.

Только сейчас я заметила в его руке туго свернутый пергамент, перевязанный пурпурной лентой.

– Лизетта... – я с трудом сглотнула, пытаясь смочить пересохшее горло, – прошла?

Ингис уже открыл было рот, но Лизетта его опередила.

– Нет. Но я тебя поздравляю! От всей души! Я ни капли в тебе не сомневалась, ты такая умница, Рэнь!

Ее голос дрожал, и чем больше она сыпала похвалами, тем отчетливее в нем звучали слезы. Она отчаянно пыталась не показать свою слабость перед магистром, но не смогла. Громко всхлипнув, она с головой зарылась под одеяло.

– Поздравляю, выпускница. – Ингис окинул меня долгим, внимательным взглядом своих зеленых глаз. В этом взгляде было все: и прощание, и признание. Я больше не была его ученицей. С этой секунды я – самостоятельный маг. И в этот миг я с оглушающей ясностью поняла: детство кончилось.

Не сказав больше ни слова, он развернулся и, подхватив под руку госпожу Мариэту, вышел. Живчик остался сидеть на спинке кровати Лизетты, а я, опустошенная, рухнула на подушки. Сил не было даже на то, чтобы дышать.

Время потекло вязкой, мутной рекой. Дни и ночи слились в один бесконечный, бредовый сон. Я приходила в себя лишь на мгновения, когда госпожа Мариэтта осторожно поила меня с ложечки горькими зельями, неизменно препираясь с Живчиком. По ночам я слышала, как плачет Лизетта. Тихо, беззвучно, давясь слезами, чтобы никто не услышал ее горя. Днем она сидела на своей кровати, неподвижная, как изваяние, или забывалась тяжелой дремотой. После визита Ингиса она не проронила ни слова. Да и к чему слова? Ее судьба была решена. Как только она встанет на ноги, ее вышвырнут за ворота академии.

На третью ночь, когда силы начали возвращаться, а голос перестал пугать до дрожи окружающих, я решила нарушить тишину.

– Ты же знаешь, мне нечего тебе предложить... – начала я.

Плач за одеялом тут же стих, но она не показалась. Она все так же прятала от меня свое горе.

– Меня приняли в этих стенах, выкормили, вырастили... но я никому здесь не была нужна. Мастер Ингис нашел меня, может, из жалости, но дал мне комнату и нашел кормилицу. Однажды он рассказал мне, что при мне не было даже записки. Меня просто подбросили к воротам, как ненужного котенка.

Лизетта все же показалась, утерев быстро рукавом слезы, она тихо произнесла:

– Твое положение еще хуже моего, я понимаю...

– Я не стараюсь тебе сейчас надавить на жалость. – Резко перебила я Лизетту. – С момента твоего появления в академии у меня не было человека ближе тебя. Мы жили в одной комнате, вместе тряслись зимой за холодными партами и изнывали от нудных лекций. Несмотря на свой королевский статус, ты ни разу не отвернулась от безродной сироты и была рядом все эти 10 лет, Лизетта. Я благодарна тебе за все, за каждый день. И если ты захочешь... Если ты позволишь мне и дальше быть тебе другом, я была бы рада хлебать вместе кашу в которую мы попали.

– Девочки, я с вами. Особенно кашу хлебать, что-то есть охота. – Услышав про еду, Живчик сразу вклинился в разговор.

Лизетта, сидела пораженная моими словами, крупные слезы снова покатались из голубых глаз.

– Я... Я... Тоже... Спасибо!

Девушка выскочила из постели и принялась меня обнимать, душа со всей силы, от избытка чувств. Она рыдала уже не скрываясь, залив солеными слезами мне всю ночную рубашку.

Пусть наше будущее туманно, а положение кажется отчаянным, мне не страшно. Я знаю: на этом пути, каким бы трудным он ни был, я не одна. Рядом – Лизетта и Живчик. С ними я была по-настоящему счастлива, где бы я ни оказалась, мне всегда тепло и уютно, их я и считала своим домом.

Глава 2. Здравствуй, Астар!

– Итак, подведем итоги, – Живчик, важно расхаживая по плечу Лизетты. Его острые когти впивались ей в кожу, но принцесса лишь морщилась, безропотно терпя. Поразительная бесхарактерность, честное слово. – У меня – ни гроша, ибо в перьях карманов не предусмотрено. Вы – тоже нищие. А я, между прочим, хочу есть. Ваши предложения?

Мы бесцельно брели по широкой мостовой Астара, и на этот раз попугай был абсолютно прав. Нас выставили за ворота на рассвете, не предложив даже завтрака. Теперь, в полдень, единственным итогом наших скитаний было голодное урчание в животах. Куда идти, что делать – я не имела ни малейшего понятия.

– Лизетта, а почему у тебя так мало вещей? – я с удивлением посмотрела на ее полупустой заплечный мешок, ничем не отличавшийся от моего. – Мне всегда казалось, у тебя нарядов на порядок больше.

Когда я собирала свои пожитки, Лизетта уже ждала меня на улице, налегке.

– Я больше не принцесса, Рэнь. Зачем мне ворох платьев? А вот это, – она извлекла из кармана скромный кошелек, в котором тихо звякнули монеты, – нам сейчас нужнее.

– Ты продала их?! Но как? Кому?

– Ты недооцениваешь мои способности к убеждению, – усмехнулась Лизетта. – К тому же, у меня всегда было полно завистниц. Еще бы, наряды прямиком из дворца. Отец всегда скупился на украшения, но мне регулярно присылали одежду слуги матери.

– И каков наш капитал? – тут же оживился Живчик.

– Тридцать медяков.

– Я даже не знаю, много это или мало... – растерянно пробормотала я.

И тут до нас дошло. Мы обе не знали. За десять лет в академии, куда нам никогда не присылали денег, мы ни разу не держали их в руках и не имели ни малейшего понятия о ценах.

– Ох... – Лизетта побледнела. – Кажется, я об этом не подумала. А вдруг они стоили гораздо дороже?

– Что ж, назад пути нет. Первым делом – таверна. Нам нужна крыша над головой и постели.

– И поесть! – тяжело вздохнул попугай.

Астар, город, рожденный в огне войны между империей и нашим королевством, даже спустя десятилетия носил на себе шрамы прошлого. К тому же, бесконечные восстания и революции, так же не приносили красок в архитектуру столицы. Только спустя десятилетия правления Валериана, город обрел широкие, выложенные серым камнем дороги и высокие, из белого кирпича дома. Город негласно делился на три кольца. В его сердце, вокруг королевского дворца, раскинулись величественные сады, широкие торговые площади и богатые поместья знати. Чем дальше от центра, тем скромнее становились дома, уже улицы и беднее лавки. Но даже здесь, на самом дне, как оказалось наш бюджет был приговором. Он не давал нам права ни на черствую корку хлеба, ни на сомнительную роскошь в виде койки с матрасом, набитым клопами.

– Ско-о-олько?! – возмущенный вопль Живчика, казалось, заставил задрожать пыльные бутылки за стойкой. – Пятнадцать медяков за ночь?! Да это грабеж среди бела дня!

– Уберите нахальную птицу, – прорычал на нас засаленный трактирщик, – или я всех троих вышвырну на улицу!

– Разве так встречают клиентов? – фыркнула я, но попугая все же оттащила подальше. Разбираться еще и с городской стражей в наши планы не входило.

– Вы мне не клиенты, а нищие бродяги! – отрезал он. – Либо платите, либо катитесь к демонам!

– Может, вы все-таки сделаете нам небольшую скидку? – Лизетта пустила в ход свое главное оружие – обезоруживающую ангельскую улыбку. – Мы станем вашими постоянными клиентами.

Мужчина грязно ухмыльнулся и, вытерев руки о передник, поманил ее пальцем. Ни о чем не подозревая, принцесса шагнула ближе, наивно полагая, что он решил втайне от всех уступить ей пару монет. Но как только ее светлая голова склонилась ниже, трактирщик схватил ее сальными пальцами за локон и вполголоса прошипел:

– А ты, девка, ничего, – его взгляд по-хозяйски ошупал Лизетту. На ее лице мелькнула робкая надежда. – Так и быть, скину вам цену. Но единственная свободная комната в этой дыре – моя спальня. А я не прочь развлечься с молоденькими...

Договорить я ему не дала. Резко дернув Лизетту за руку, я отшвырнула ее себе за спину.

– Прежде чем делать такие предложения, умой свою свиную харю, – прошипела я, чувствуя, как внутри закипает ярость. – А развлекать тебя будут клопы, которыми кишат матрасы в твоей вонючей норе.

Меня трясло от желания спалить эту дыру дотла. Схватив оцепеневшую Лизетту за руку, я выволокла ее на улицу. Она стояла, в шоке глядя на меня, и в ее глазах уже собирались слезы.

– А ну, прекрати! – рявкнула я. – Не хватало еще реветь из-за каждого похотливого ублюдка!

– Но куда нам теперь? – всхлипнула она, судорожно сжимая в руке кошелек.

– А кто сказал, что будет легко? Это не единственная таверна в городе. Идем дальше. – Я подхватила Живчика и подбросила в воздух. – А ты, наглая птица, не смей отлынивать! Отработывай свой обед. Узнай, есть ли в этом городе место для таких, как мы. И разузнай обстановку. Живо!

Живчик не посмел возразить. Когда я в гневе, со мной никто не спорит. Знали, что себе дороже. В такие моменты мои и без того алые глаза, казалось, наливаются кровью и начинают светиться изнутри. Пугающее зрелище. Но мне это было только на руку – меньше лезут.

До позднего вечера мы облазили добрую половину города. Гостиница с отвратительным хозяином еще брала не так дорого. Естественно, никаких поблажек никто не дает, разговор всегда простой – нет денег, нет жилья. Если потратить наши гроши только на жилье, то их хватит максимум на две ночи. А я очень сомневаюсь, что мы найдем за это время работу. Попугай тоже особо хороших новостей не принес. Ночлежек никаких давно в Астаре нет, так как нищих в столице не терпят. И дабы не разводить в городе грязь, устранили все незаконные сборища бедствующих.

– Не все так плохо! – Радостно оповестил нас Живчик. – На окраине города точно есть пустые дома бедняков. Там и можно найти себе местечко.

Из-за жадного короля, богато и сыто в Астаре жили только ближайшие прислужники короны или торговцы. Остальным же приходилось перебиваться малым, стараясь выжить хоть как-то. Некоторые, совсем отчаявшиеся, побросали свои дома и разъехались по деревням. Пусть вне крупных городов и опасно жить, зато есть хоть какая-то работа и конечно земля, на которой можно вырастить дополнительное пропитание.

– Это сейчас ты про низший район?! Там же очень и очень опасно!

– Лиз, Живчик прав. А куда еще нам податься?

– Это самый преступный район! Ты же понимаешь, почему там никто не живет?! Сколько там воров, убийц в конце концов. И тут туда приходят две беззащитные девушки!

– Я все еще маг, Лиз. Что-нибудь придумаю. Надо учиться постоять за себя иначе мы тут не выживем. Уже поздно, скоро все лавки закроются. Давай так, ты иди за продуктами. Есть нам что-то надо. И бери с собой Живчика.

– А ты куда? Только не говори мне, что пойдешь туда одна. – Принцесса схватила меня за рукав тонкой куртки.

– Да, я пойду и разведу обстановку. Живчик если что меня легко найдет. Я поищу, где нам можно было бы остановиться.

Мы еще несколько минут поспорили, но все же Лизетте пришлось согласиться с моим планом. Если уж кто и может из нас противостоять бандитам, так это я.

Наконец расставшись с друзьями, я смогла немного выдохнуть. Сегодня погода радовала, из-за непроглядных туч показалось солнышко и холодные ветра сменились теплым воздухом. Я не любила осень, но ее золотое убранство все же было лучше серой пустоты зимы. Уже вечерело и солнце скоро сядет, надо торопиться.

Лабиринты ремесленных улочек постепенно сменились кварталами, где само понятие порядка, казалось, умерло. Дома, обшарпанные и неухоженные, жались друг к другу, скалясь темными провалами окон. Просветы между ними сужались, превращаясь в узкие, душливые

переулки. Освещения почти не было – лишь одинокий факел на углу квартала да скудный свет свечей, пробивавшийся сквозь запыленные стекла. Центральная мостовая, истаяв, превратилась в грязное, разбитое подобие дороги.

Из теней то и дело вырастали фигуры опустившихся пьянчуг, по углам жались безмолвные тени нищих. И резким, уродливым диссонансом на этом фоне – вызывающе яркие, размалеванные девицы, парочками курсирующие вдоль дороги. В голове не укладывалось – закон ведь запрещал подобные сборища.

Ответ нашелся в ближайшем переулке. В непроглядной тьме я разглядела троих. Двое – в длинных плащах, с оружием у пояса. Третий – с шевроном городской стражи на плече: две скрещенные пики на алом щите. У их ног, в грязи, корчило трясущееся тело, издавая сдавленные, булькающие звуки. Я отступила в тень, сливаясь со стеной.

– Нет... прошу... пожалуйста... – хрипел мужчина, захлебываясь слезами.

– Демоны тебя дери, Барни, – лениво протянул один из стражников, пока второй методично отрабатывал удары по лежащему телу. – Мы пришли в эту дыру отдохнуть, развеяться. А ты портишь нам настроение.

– Умоляю... я все достану... только не убивайте... – скулил избиваемый, ползая у их ног.

– Ты наглая, жирная свинья, Барни, ты в курсе? – продолжил первый. – Договор был прост: ты держишь свой гадюшник с ночными бабочками, доишь мелких воришек и нищих, отдаешь нам треть и по первому требованию снабжаешь пылью. Взамен – живешь спокойно под нашей защитой.

– Но я же платил за прошлую неделю... – пискнул мужик и тут же согнулся от нового удара в живот.

– Платил, – кивнул стражник. – Но пыльцу, о которой мы договаривались, ты слил налево. Неплохо наварился, да? А наша доля почему-то не выросла. Непорядок.

Следующий удар сапога пришелся прямо по кисти. Истошный, нечеловеческий вопль разорвал ночную тишину.

И самое страшное, что на это никто не обращал внимания. Какой-то пьянчуга, решив срезать путь через переулок, наткнулся на «доблестных» стражей, что-то невнятно пробормотал и, развернувшись, побрел прочь. А ведь несчастный орал так, что, казалось, его мучения слышны за несколько кварталов.

Тем временем экзекуция продолжалась.

– Но тебе повезло, Барни, – ухмыльнулся стражник, снисходительно похлопав избитого по спине. – Сержант Куртц сегодня в хорошем настроении. Поэтому мы сейчас втроем зайдём к твоей женушке на чай, авось и дочку застанем. А ты, Барни, пулей летишь куда надо и достаешь нам пыльцу.

Слушать дальше не было сил. Я развернулась и почти бегом углубилась в зловонные недра района. Картина наконец сложилась. Королевский указ об изгнании бедняков был лишь ширмой. Зачем избавляться от стада, которое можно доить? Обладая толикой власти и безграничной наглостью, стража просто «брала под крыло» этих несчастных, превращая их в своих рабов.

Погруженная в эти мрачные мысли, я лавировала между темными, подозрительными личностями, пока не вышла на перекресток. И обомлела.

Кабак? Нет. Дыра. Гнойный нарыв на теле города. Именно здесь, казалось, собрались все отбросы общества. Пьяный гам, ругань, крики, звон разбитого стекла – какофония звуков, вырывающаяся из грязного, вонючего чрева заведения, оглушала. Пьянь и шпана всех мастей облепили это место, словно мухи – падаль.

– Дешевый ночлег! Четыре медяка за ночь! – надрывался мальчишка-зазывала. – Вкусная еда, выпивка, развлечения на любой вкус!

– Эй, красавица! Что одна скучаешь? – донеслось из толпы. – Заходи, не стесняйся, я тебя согрею!

– Лизетта была права. Хуже места не придумаешь, – пробормотала я себе под нос и свернула в сторону западных ворот, где было хоть немного тише. Пальцы сами собой сплелись в знакомом жесте, готовые в любой момент метнуть разряд электрошока.

Пройдя с десяток домов, я наткнулась на препятствие. Узкая улочка, где и двоим не разойтись, оказалась перегорожена. У старой, ветхой телеги отвалилось колесо. Рядом, понуро опустив голову, стояла измученная кляча, а ее хозяин, невысокий старик, беспомощно суелится вокруг, стаскивая на землю свой небогатый скарб.

– Ах, чтоб тебя! – ворчал он, пытаясь сдвинуть с места очередной тюк.

– Добрый вечер. Вам помочь?

Мой голос заставил его вздрогнуть. Он резко обернулся, тревожно вглядываясь в темноту. Я сплела простое заклинание, и над моей ладонью зажегся маленький, парящий огонек, выхвативший из мрака мое лицо.

– Надо же... Каким ветром тебя сюда занесло, девочка?

– Своим ходом, – я подошла ближе и без труда подняла тяжелый мешок закинув его обратно на повозку. – Давайте помогу.

Магия хороша не только в бою. Я сплела небольшое заклинание – и из-под земли вырос каменный шип, который приподнял накренившуюся повозку. Заметив валяющееся у повозки слетевшее колесо, я засучив рукава, принялась поднимать его и насаживать обратно на ось. Дедок тут же радостно подбежал и вытащил из-за пояса деревянный молоток. Ловко им орудуя, он закрепил ступицу, прокрутил пару раз колесо убеждаясь, что все надежно и оно более никуда не денется.

– Целое! Слава богам, а то я уж думал, не выберусь сегодня из этой дыры. Все, можешь опускаться!

Запыхавшиеся и грязные, мы облокотились на борт транспорта.

– Ну так что, откуда в нищих районах взялся маг? – в голосе старика смешались удивление и недоверие. – Обычно ваш брат обитает поближе к центру. Гейс, кстати.

– Ищу жилье, – коротко бросила я.

– А-а-а... – протянул он. – Что, из дома выгнали? Совсем еще дитя, с родителями ведь жить должна.

– Нет у меня родителей, Гейс, – ледяным тоном отрезала я, собираясь уходить. – Полагаю, моя помощь вам больше не нужна. Доброго пути.

– Эй, постой, не серчай! – спохватился он. – Не со зла я. Жилье, говоришь... Пожалуй, есть у меня для тебя кое-что.

Я замерла, но не обернулась.

– Племянник мой, видишь ли, в деревню подался, на юг. Обустроился там, хозяйство завел... Ну и я к нему решил перебраться. А хибара моя теперь пустует. Не дворец, конечно, но у самых западных ворот. Живи, коль хочешь. Все равно я сюда больше не вернусь. Одна мне теперь дорога – в могилку на кладбище. Если боги позволят, протяну еще пару лет, с детками по вожусь. – Дедок миролюбиво улыбнулся, будто оправдываясь за свою старческую немощность.

– С чего бы вам отдавать дом первой встречной? – подозрительно прищурилась я. – Почему не продадите?

– Продать? Это? – он горько усмехнулся. – Да кому нужна эта развалюха, девочка? В таком-то районе... Опасно здесь. Страже на нас давно плевать, а разбойники что хотят, то и творят, притоны свои устраивают. Я бы тебе не советовал тут оставаться, но раз ты маг... может, и сумеешь за себя постоять. Ох, темнеет-то как! Пора мне.

Он торопливо забросал мешки в повозку, взобрался на облучок и, уже трогая вожжи, обернулся.

– Иди прямо к западным воротам. Там, в проулке между стеной и лавкой кожевника, свернешь. Два поворота – и увидишь на самом краю мою лачугу. Дверь на замке, а ключ я на крюке рядом оставил. Удачи тебе, дитя. И да хранят тебя боги.

– Благодарю! – крикнула я в спину удаляющейся повозке.

Распрошавшись с Гейсом, я устремилась на поиски его дома.

– Рэнь! – Живчик спикировал мне на плечо. – Вот ты где! Я тебя уже двадцать минут ищу. Ну что, нашла что-нибудь?

Я кратко пересказала ему наш разговор со стариком.

– Встретимся там. И не вздумайте срезать путь – идите через ворота! Лизетта – слишком легкая добыча для здешних карманников.

Западные ворота не зря считались самым слабым звеном в обороне города. Патрулей здесь было меньше всего. Никто не ждал угрозы с запада, где за парой вымирающих деревушек простирался лишь неприступный скалистый берег Штормового океана. А за ним – империя Симгала, веками мечтавшая поглотить наше королевство. Но чтобы атаковать Детханну с этой стороны, нужно было научить армию летать.

Пробираясь по пустынным, погружающимся в сумерки улочкам, я вслушивалась в каждый шорох. Из темных подворотен то и дело мелькали незнакомые, подозрительные силуэты. К счастью, старик не обманул. Его описание было настолько точным, что я без труда нашла лачугу на самом краю квартала. Как он и сказал, на крюке у ветхой двери висел ржавый ключ.

Один взгляд на это строение вызывал отвращение. Покосившееся одноэтажное здание, готовое, казалось, в любой момент рассыпаться в прах. Когда я ступила на узкое крыльцо, доски под ногами угрожающе закрипели, прогибаясь под моим весом.

– Спокойно, Рэнния... – выдохнула я и, вставив ключ в замок, попыталась открыть дверь.

Ключ в замке провернулся, но дверь не поддавалась.

– Рэнь! Это что, тот самый дом?! – Я вздрогнула от неожиданности, Лизетта нашла меня. Теперь, держа в руках бумажный сверток с продуктами, возмущенно глядела на сооружение. Живчик как обычно восседал на ее плече.

– О, вы уже здесь. Я сама только пришла, даже не заходила еще. Хотя не знаю, откроется ли эта дверь...

– Наверное, петли заржавели, – предположила Лизетта. – Попробуй дернуть сильнее.

Я ухватилась за круглую деревянную ручку и со всей силы дернула на себя. Ручка не выдержала и с сухим треском осталась у меня в руке. Потеряв равновесие, я мешком рухнула на спину.

– Ты в порядке?! – Лизетта бросилась ко мне, но стоило ей ступить на крыльцо, как доски издали предсмертный стон и провалились, увлекая нас обеих в облако пыли и гнилой трухи.

– Да чтоб вас всех!.. Какого демона?!.. Этот... дряхлый домишко!.. И этого... короля с его проклятыми законами! – вырвалось у меня. Кое-как выбравшись из-под обломков, я принялась яростно отряхиваться, громко кашляя вдохнув поднявшееся облако пыли.

– Полностью солидарен, ма-да-м! Ик! – Из полумрака вынырнула шатающаяся фигура. Наблюдавший за нашим позорным падением забулдыга в рванье, с опухшим лицом и в дурацкой соломенной шляпе, церемонно приподнял ее в знак приветствия.

– Тебе чего? – шикнул на пьяницу Живчик. Судьба гнилого крыльца его миновала – он успел взмыть в воздух и теперь, заняв позицию на уцелевшем куске перил, воинственно топоришил перья.

– Ух ты! Говорящий! – в глазах пьянчуги зажегся неподдельный, почти детский восторг. – Волшебство... – прошептал он. – Ик! Эй, волшебная птица, а медячка лишнего не найдется? Я буду безмерно благодарен.

– Карманы у меня видишь?

Пьяница с трудом сфокусировал взгляд на пестром, переливающимся пятне.

– Вроде... ик... нету...

– Так с какого демона я тебе их достану?! – взревел Живчик, в возмущении взмахнув крыльями.

– Логично... Ик... А... – попрошайка перевел мутный взгляд на меня.

Я уже открыла было рот, чтобы спокойно, но твердо отшить его, как перила, не выдержав веса попугая и его праведного гнева, с треском подломились. Испуганно взвизгнув, Живчик спикировал прямо мне на плечо, мертвой хваткой вцепившись когтями в кожу.

– Ай! Чтоб тебя!.. – ярость и боль затопили сознание. – А ну пошел прочь!.. Чтоб духу твоего здесь не было, попрошайка!..

Вздохмаченная, со сверкающими алыми глазами, я, казалось, превратилась в фурию из преисподней. Мужчина взвизгнул от ужаса и, чертыхаясь, бросился наутек в ближайший проулок.

– Рэнь! Стой! Ты что его побить хочешь?! – очнувшись от шока Лизетта повисла на мне, пытаясь удержать от попытки избития несчастного забулдыги.

– Пусти! Я их всех отважу от нас раз и навсегда!

– Да он и так чуть не помер от страха! – прошипел мне на ухо Живчик, от волнения еще глубже вонзая когти мне в кожу.

– Ай! Уберите с меня эту наглуую курицу!

– Не обзывай его, ему же надо где-то сидеть!

– Мне плевать на эту... птицу! Ай! – Оскорбленный до глубины души Живчик больно ущипнул меня за ухо.

Наша перебранка еще долго сотрясала тишину ночной улицы, оповещая всю округу о появлении крайне беспокойных соседей. Но, в конце концов, исчерпав запас ругательств и сил, мы кое-как помирились. Моя магия слепила из обломков подобие крыльца, по которому, впрочем, теперь можно было передвигаться лишь строго по одному, и злополучная дверь наконец поддалась.

Внутри было не так безнадежно, как снаружи, но холод пробирал до костей. Остывший камин, одинокий стол и единственный стул посреди комнаты. В углу – сундук, выдавший, казалось, еще прошлую эпоху. Дверной проем, завешенный серой тряпкой, вел в другую комнату, где стояла лавка с набитым соломой матрасом и деревянный таз для умывания.

Вот и все наше богатство.

– Так, – Лизетта, стряхнув с себя оцепенение, решительно взяла командование на себя и водрузила пакет с едой на стол. – Ты разжигай очаг, будем ужинать. Я умираю с голоду. Живчик, не путайся под ногами и не лезь к Рэньке. Иначе она сегодня точно пустит тебя на жаркое.

– Психоз такого масштаба необходимо лечить, – фыркнула птица, гордо восседая на спинке единственного стула. Весь вечер Живчик читал мне нотации о самоконтроле и о том, что юной деве не пристало сквернословить, как последнему сапожнику.

Скромный ужин – хлеб, лук и помидоры – показался нам пиром. Настроение заметно улучшилось. Ведь, как известно, пока в доме есть хлеб, все беды можно пережить. Очаг жарко пылал – старик оставил порядочный запас дров, которого, казалось, хватит на всю зиму. Закутавшись в плащи, мы уснули прямо на полу у огня. И, как ни странно, так тепло и уютно мне не было, пожалуй, никогда – даже в стенах академии.

– Что же, здравствуй, Астар, – прошептала Лизетта, уже проваливаясь в сон.

На следующее утро мы пожалели, что беспечно улеглись спать прямо на полу.

– Боже, моя спина... – простонала я, не в силах разогнуться. Каждая мышца, от шеи до поясницы, протестовала против жестокости сна на голом полу.

– Ты мне ногу отлежала! – шипела рядом Лизетта, отчаянно растирая затекшую конечность.

Наше жалкое состояние, разумеется, не укрылось от Живчика.

– Вот в чем преимущество сна стоя, – начал он свое обычное занудство. – Голову под крыло, лапку подогнул – и красота. Поразительно, до чего же человек неприспособленное существо. А вот птица...

Лекция оборвалась на полуслове, когда в моей руке материализовался тяжелый ботинок. Тон попугая мгновенно сменился с менторского на заискивающе-сладкий.

– Милые мои, а что у нас сегодня на завтрак?

– Лизетта?

– Остатки вчерашнего ужина.

– Отлично. После завтрака я иду искать работу. Живчик, обследуй город, разузнай, не нужен ли кому маг. Лизетта?

– Знаешь, я тут подумала... Я ведь могу попробовать себя в травничестве. Сделать косметические зелья и продать на рынке. У меня и ингредиенты кое-какие с собой есть.

На том и порешили. Наскоро покончив со скудным завтраком, мы, полные надежд, разделились каждый по своим делам.

Путь мой лежал на торговую площадь – к доске объявлений, первому прибежищу всех ищущих работу. Еще можно было, конечно, попытаться счастья у городской стражи – те всегда в курсе, не нужна ли охрана каравану или не завелась ли в канализации какая-нибудь нечисть. Других вариантов не было. Не стучаться же в каждый дом.

Стоило мне выйти за порог, как холодный, сырой воздух тут же забрался под тонкую куртку. Хмурое небо, под стать моему настроению, готовилось обрушиться на Астар новый осенний ливень. Ночной дождь уже превратил и без того грязные улицы в сплошное месиво. Люди, кутаясь в серые плащи, брели, опустив головы, пряча лица от пронизывающего ветра.

В ремесленном квартале толпа стала плотнее. То и дело за спиной раздавался свист извозчиков, заставляя шарахаться в сторону, уворачиваясь от летящих из-под колес комьев грязи. Прижимаясь к стене очередного дома, я налетела на кого-то, едва не сбив его с ног.

– Осторожней, девка! – рявкнул он, грубо отталкивая меня в сторону.

– Сам под ноги смотри! – огрызнулась я.

– Что?! Совсем страх потеряла, соплячка?!

Спорить с озлобленным быдлом было бессмысленно. Я молча развернулась и поспешила прочь, оставив его извергать проклятия мне в спину. Но возмездие настигло его быстрее, чем я успела скрыться за углом. Окно над его головой распахнулось, и поток грязной мыльной воды обрушился прямо на него. Яростный рев тут же сменился пронзительным визгом. Я усмехнулась, не сбавляя шага.

Доброжелательность в Астаре была не в чести. Нищета, безработица и продажная власть давно вытравили из людей все человеческое, оставив лишь злобу и жестокость. И если в столице, считавшейся богатым городом, творится такое, страшно было даже представить, что происходит в глуши.

Торговая площадь оглушила меня ревом сотен голосов.

– Подходи, налетай, товар разбирай!

- Свежие ковры! Чистый шелк!
- Горячие пироги! Плюшки, булочки!

В утренние часы здесь кипела жизнь, каждый пытался вырвать свой кусок прибыли, завлекая покупателей с тугими кошельками. Но меня не интересовали ни ковры, ни пироги. Моя цель – скромная доска объявлений в самом центре этого хаоса. Я уже почти добралась до нее, когда прямо передо мной, словно черт из табакерки, выскочил пузатый купец.

– Милая леди! Не проходите мимо! – затараторил он, преграждая мне путь. – Загляните к дядюшке Мэтру! Лучшие наряды в столице! Подберем платье на любой вкус

– Обойдусь, – буркнула я, отмахиваясь от тряпки, которой низенький купец тряс у меня перед носом.

– Что, Мэтр, старый неудачник, не идет к тебе покупательница? – из соседней палатки выскочил его конкурент, бесцеремонно отпихивая толстяка в сторону. – Твой товар и медяка ломаного не стоит! А у меня – новый завоз, вчерашний караван! Прошу, миледи, вам я точно смогу угодить!

– Гнусный лис! – взвился Мэтр. – Не смей уводить моих клиентов! Что за чушь ты несешь?! Не слушайте его, прекрасная дама, он вас обманет!

– Эта прекрасная дама, сожжет к чертовой матери ваши клоповники, если не уйдете с дороги! – Торговцы замолкли и выпучили на меня глаза. Что-то осознав в своей голове, мужчины быстро и без единого возражения разошлись по своим торговым точкам, освобождая мне путь. – То-то же..

Торговцы замерли. В их глазах мелькнуло узнавание, а затем – страх. Без лишних слов они испарились в недрах своих лавок.

– То-то же, – процедила я, расчищая себе путь.

Но радость была недолгой. Уже на подходе я поняла, что пришла зря. Доска объявлений была, но подойти к ней не представлялось возможным. Вокруг нее, словно стая голодных волков, кружили мои бывшие однокурсники. Вчерашние товарищи, сегодня они были готовы вцепиться друг другу в глотку за жалкий клочок пергамента, сулящий пару серебряных монет.

Ловить здесь было нечего. Все объявления давно сорваны, а ввязываться в драку с толпой магов-воинов, жаждущих работы, было чистым самоубийством. Что ж. План «Б». Пора навестить городскую стражу.

Паря над черепичными крышами Астара, Живчик размышлял. Неведомый чародей, создавший его, вложил в свое творение не только дар речи, но и бремя свободной воли. Это сделало его уникальным, но, по мнению многих, бесполезным, ибо волшебные птицы, не подчинялись воле создателя. Большинство его собратьев полностью оправдывали свое существование, посвящая жизнь собиранию сплетен. Живчик же просто считал себя венцом магического творения, а потому не разменивался на пустяки. Рэнния не нашла этому объяснения, а сам Живчик считал себя очень особенным.

Заметив на бельевой веревке стайку своих менее одаренных сородичей, он горделиво спикировал к ним, приземлившись с аристократической грацией. На него, впрочем, не обратили ни малейшего внимания. Стая была поглощена жарким спором.

– Да говорю тебе, Шая, ведьма она! – верещала одна. – Соседка сама видела, как она колдовала, а на утро – все кабачки сгнили!

– Глупости, Мирая! – отмахнулась та. – Сама соседка эта – воровка. А вот то, что трактирщик вчера к ней под юбку лез, – это факт!

– Уважаемые, не прерву ли я ваш увлекательный диспут? – вежливо вставил Живчик, но его проигнорировали.

– Да какой там лез! Он с этой шлюхой уже месяц якшается! Отстали вы от жизни, дамочки, – вклинился третий, красноперый попугай.

– Ты бы помалкивал, Крис! – клюнула его серая птичка Шая. – Еще свежа в памяти твоя история про советника Соймугла, который «честно уплатил все налоги». А через два дня его в долговую яму бросили!

Оскорбленный Крис, обиженно чирикнув, улетел.

– Какие нынче мужчины пошли безответственные, – вздохнула Мирая.

– И не говори, – поддакнула Шая. – Взять хоть мясника. Ворует и не краснеет! Я его покупателям сто раз говорила – он же вас обвешивает! А они все прут и прут к нему.

– А капитан стражи? Вот уж кто темными делишками промышляет...

– ДАМЫ! – не выдержал Живчик. Его крик заставил сплетниц умолкнуть.

– Ты это кому? – Мирая искоса, смерив его неприязненным взглядом, склонила голову набок.

– Вам! Я пытаюсь задать вопрос, а вы трещите, как сороки на базаре, не слыша никого, кроме собственного пустозвонства.

– Мог бы и повежливее, – фыркнула Шая, недовольно топорща перья и уже готовясь пустить в ход клюв.

– Я и спросил, – не выдержал он. – Но вы не слышите ничего, кроме собственного треска!

– Да кто сейчас кого слушает, Шая, – тут же встряла Мирая, полностью игнорируя пришельца. – Король намедни издал указ, велел всем ремесленникам на площади собраться. И что ты думаешь? Портной не пришел! Дрых в своей кровати, пока государь налоги повышал. Теперь вместо двух серебряных целых пять платить придется.

– Вот смеху-то будет, когда его стража при всех повяжет! – захихикала Шая. – А конкурент его из соседней лавки, небось, от радости в пляс пустится!

– А я, кстати, видела, как сапожник покупал у лекаря сонный отвар. Уж не он ли его и усыпил?

О Живчике снова забыли. Поняв, что из этого потока пустословия не выудить и крупицы полезной информации, он развернулся и полетел домой. Требовать обед. Отдыхать от надоедливых сплетниц. Поиск работы для мага – задача невыполнимая. Пусть Рэния сама этим занимается. В конце концов, это ей нужна работа, а не ему.

– Мы обречены! – уже час Лизетта рыдала у меня на плече, и никакие уговоры на нее не действовали.

Ее надежда заработать на зельях рассыпалась в прах. Перебрав свои скудные запасы, она поняла, что для мало-мальски приличного отвара не хватает и половины ингредиентов, а денег на их покупку у нас не было. Мой день был не лучше. Я обошла все известные мне места, предлагая свои услуги в качестве наемницы, посудомойки, кого угодно – тщетно. Стража, на которую я возлагала последнюю надежду, не только не помогла, но и с презрением прогнала прочь, обозвав «недомагом, отвлекающим от дел». Вернувшийся Живчик, мрачный, как грозовая туча, лишь подтвердил общую картину – работы для мага в этом городе не было.

– Мы обречены, – подтвердил попугай, вынося окончательный вердикт.

– Что же нам теперь делать?! – с новой силой зашлась в рыданиях Лизетта. Мнение Живчика, казалось, поставило на нашем будущем жирный крест.

– Будем помойными крысами, – мрачно пошутила я. – Отбирать еду у кошек и шипеть на прохожих.

Рыдания прекратились, но теперь на меня уставились две пары укоризненных глаз.

– Что? – я пожала плечами. – Есть план получше?

– Может, к отцу твоему сходить? – предложил Живчик. – Сжалится, денег подкинет.

– Нет! – вскинулась Лизетта. – Этому не бывать! Лучше умереть, чем так унижаться! У нас еще есть деньги, нельзя терять надежду!

– И не скажешь, что это ты тут полвечера панику разводишь, – заметила я, подбирая со стола недоеденное яблоко. Вот и ужин.

– Верно! Хватит ныть! – она решительно вытерла слезы. – Завтра отправимся на поиски все вместе.

– Думаешь, если мы будем ходить табором, кто-то сжалится? – Живчик с тоской посмотрел, как я расправляюсь с его потенциальным ужином.

– Может, и да. А теперь – спать! Завтра будет тяжелый день.

На этот раз мы были умнее. Старый матрас перекочевал из спальни к очагу. Не королевская перина, но и не голый пол. Засыпали мы под сопение попугая, умиротворяющее потрескивание поленьев в камине, а вот проснулись от громких стуков в дверь. Кто-то очень настойчиво ломился в дом. Чудо, что она еще не слетела с петель.

– Кто это? – прошептала Лизетта, еле разлепив усталые глаза.

– Сейчас узнаем, – так же шепотом ответила я, чувствуя, как по спине бежит холодок.

– Кого это там демоны на ночь глядя принесли?! – заорал бесстрашный попугай, разбуженный и крайне недовольный.

– А ну открой, и узнаешь! Или у наших курочек кишка тонка? – за дверью раздался хриплый, пропитый голос, а за ним – сальный, пьяный смех.

– Слышь, Дриг, они – курочки, а ты – петух! Пришел в их курятник! Ха-ха-ха! – заржал второй.

– Заткнись, идиот. – Глухой удар, сдавленный вскрик. Дриг шутку явно не оценил. – Выходите по-хорошему. Если мне придется ломать дверь, вы об этом сильно пожалеете.

Вот и началось. То, чего я боялась больше всего. Как же быстро они нас нашли. Вскочив с нашего импровизированного ложа, я накинула на Лизетту одеяло и, приказав сидеть тихо, шагнула к выходу.

– Чего надо? – резко распахнув дверь, я впиалась взглядом в ночных гостей. Те самые. Стражники из переулка. Только сержанта с ними не было.

– Ух, какая дерзкая, – Дриг смерил меня грязным, оценивающим взглядом, от которого хотелось съежиться, забиться в самый темный угол. Но я стояла, не шелохнувшись. За моей спиной была Лизетта.

– Чем обязаны в столь поздний час? – я старалась, чтобы голос звучал строго, но он предательски дрогнул.

– С новосельем пришли поздравить. Такие милашки в наших краях – редкость, правда, Дриг?

Тот снова ухмыльнулся, не сводя с меня глаз.

– Да, эта хороша. Но вторая еще лучше – ангелочек белокурой. Так что добро пожаловать. Только вам, девочки, нужно усвоить пару правил, если хотите жить здесь спокойно.

– Мы не нарушали законов королевства. Все остальное называется разбоем и шантажом.

– Может, и так. Да только до королевского замка отсюда далеко, не находишь? – Дриг хищно улыбнулся и по-хозяйски оперся о дверной косяк. – Хочешь жить спокойно – плати. Нечем? Что ж, мы найдем тебе другое призвание. А будешь дергаться – раскрасим твоё личико в синие и красные тона.

– И не только личико, – скабрёзно ухмыльнулся второй, уперев руки в бока.

– Сколько? – мой голос был тихим и ровным.

– О, деловой разговор. По три серебряных с каждой. За птичку, так и быть, скину – один.

В этот момент я поняла: выхода нет. Платить – значит, стать их рабыней. Они будут приходить снова и снова, повышая цену, пока не отнимут все, включая нашу волю. Стоит один раз проявить слабость – и мы утонем.

– Не дороговато ли за жизнь в этой дыре, Дриг?

– Будешь паинькой – может, и скину. А если совсем туго, могу и работу предложить. Прибыльную. И приятную.

– Да, – поддакнул Гиз, – послушных девочек мы любим. Может, и сержант...

– Заткнись, Гиз!

– Конечно-конечно, Дриг, ты будешь первым, несомненно.

– И что за работа? – я позволила себе лишь легкий изгиб брови.

– Самая подходящая для таких красоток, – он осклабился. – Бордель. Вам там будут рады. Я договорюсь.

Это было последнее, что я позволила ему сказать.

Резко хлопнув дверь перед носом бандитов, я выгадала себе секунду, чтобы сконцентрироваться и сплести заклятье. Секундное замешательство сменилось яростью. Раздался оглушительный треск – один из них с размаху высадил дверь ногой. Та, не выдержав, сорвалась с петель и рухнула внутрь, и оба громилы, не раздумывая, шагнули в темный проем.

– Эй, ты че?! – взревел Дриг, но было поздно.

Заклинание ветряного серпа, сорвавшись с моих пальцев, невидимым лезвием ударило его в грудь, выметая из дома и швыряя на землю у крыльца. Второй, взревев, кинулся на меня. Но гнилые доски, уже однажды предавшие нас, не выдержали его тяжести и с оглушительным треском рухнули, увлекая громилу за собой. Я успела отпрыгнуть в дом, уклоняясь от пытавшихся схватить меня рук, но запнулась и упала на жесткий, деревянный пол, больно подвернув ногу. Стиснув зубы, я быстро поднялась и выглянула во двор. Дриг уже был на ногах. В его руке блеснул выхваченный из ножен клинок.

– А ты с коготками, значит. Но ничего, на таких, как ты, у нас тоже управа найдется. – Дриг сотворил в воздухе малый магический оберег-щит.

Холодок пробежал по спине. Маг. Он тоже был магом. Вот теперь дело принимало совсем дурной оборот.

– Думала, одна ты такая умная?

– Как же низко ты пал, – прошипела я. – Разбой. Достойное занятие для мага.

– В этой дыре, девочка, есть только одно правило: либо ты жрешь, либо жрут тебя.

– Таких, как ты, должны лишать лицензии и гноить в тюрьме!

– А таких, как ты, я сдаю в бордели и неплохо на этом зарабатываю! – Он расхохотался – громко, самодовольно. И в этот миг потерял бдительность.

Огненный вихрь, сорвавшийся с моих пальцев, с легкостью пробил его хлипкий щит. Пламя окутало его с головой. Тонкая кольчуга мгновенно раскалилась, волосы, не защищенные шлемом, вспыхнули, как солома. С диким, нечеловеческим воплем Дриг выронил меч и рухнул на землю, пытаясь сбить с себя огонь. Гиз, выбравшись наконец из-под обломков, кинулся к нему, пытаясь потушить пламя своим плащом.

– Что здесь происходит?!

Голос, властный и трезвый, прорезал ночную тишину. Сердце ухнуло в пятки. Третий. Сержант. Теперь мне точно конец. Очаг манны был почти на нуле, а против троих я не выстою.

– Сержант! – я сделала шаг вперед, стараясь, чтобы голос звучал как можно более испуганно и в то же время праведно. – Эти люди... они назвались стражниками... ворвались ко мне, вымогали деньги, угрожали... Законами ведь не запрещено жить в городе?

– Верно. Что-то я вас здесь раньше не видел. Недавно приехали? – его взгляд был холодным и оценивающим.

– Вчера. Здесь раньше мой дедушка жил, но он уехал к отцу в деревню. Я пока за домом смотрю.

– Используете магию? Лицензия имеется?

– Да-да, вот! – Лизетта, выглянув из-за двери, протянула ему мой скрученный в свиток пергамент.

– Дедушка, значит... – он окинул меня долгим, непроницаемым взглядом. – Что ж, добро пожаловать. А этих я заберу. – Он подошел к скулящему Дригу и, грубо схватив за шиворот, рывком поставил на ноги. – Больше они вас не потревожат. Мы лишь проверяли, не устроил ли кто в пустующем доме притон. – Его взгляд впился в лицо подчиненного. – Правда, рядовой Дриг?

– Д-да... – едва ворочая языком, прохрипел Дриг, покорно кивая.

– Вот и славно, – отрезал сержант. – Убирайтесь. – Он развернулся к нам. – А вам, сударыня, доброй ночи.

Сработало. Он не стал рисковать. Связываться с лицензированным магом, у которого, к тому же, есть семья, – себе дороже. Исчезновение такой, как я, неминуемо привело бы к разбирательству, и он, как ответственный за район, стал бы первым подозреваемым. Что ни говори, а жизнь мага в этом королевстве все еще чего-то стоила.

Когда их шаги затихли вдали, мы остались одни посреди ночного кошмара. Сон бежал от нас. Адреналин и пережитый ужас не давали покоя. Всю ночь, до самого рассвета, мы молча чинили наше многострадальное крыльцо.

Отойдя шагов на сто от жилища новоиспеченного мага, Куртц, все еще не выпуская своего подчиненного, остановился на одно мгновение дабы осмотреться.

Темнота и мрак пропитывали район трущоб, что стелился вдоль всего периметра стен. Убедившись в отсутствии слежки и намека на лишние глаза и уши, сержант свернул в крохотный переулочек, шириной в три шага. Рядовой Гиз, незадачливо повертев головой, как типичный подпевала, последовал за своим командиром. А вот Дригу было не позавидовать. Находясь в стальной хватке своего командира ему только и оставалось, что еле как перебирать ногами пытаясь идти самому, но по сути все еще находиться на весу. «Да уж ну и силища...» – промелькнула мысль в голове несчастного. А ведь сержант не многим старше его самого, но, тем не менее, громиле оставалось лишь болтаться тряпичной и безвольной куклой.

Пройдя вглубь переулочка еще с дюжину шагов, сержант резко остановился и одним махом руки с зажатым в ней воротником мантии рядового, впечатал того в стену напротив.

– Ух-х-гк... – только и смог выдавить из себя Дриг.

Хватка сержанта ослабла лишь на миг.

– Сержант! – Хотел было обратиться Гиз к своему командиру, чтобы хоть как-то объяснить сложившуюся ситуацию, уж он-то знал, каков сержант бывает в гневе. Но моментально получил мощную пощечину от Куртца.

– Вы, черти, совсем ополоумели, навоз вам в глотки! – Прошипел сквозь зубы взбешенный Куртц. Хлестким, но очень точным ударом кольчужной перчатки, заехал Дригу под дых.

– Вы чем, едрить вас за ногу, думали! На мага! Лицензированного! В трущобах! – Продолжал шипеть сержант на своих подчиненных, плюясь как разъяренный аспид. Не забывая при этом после каждого слова прикладывать незадачливого подчиненного к холодной кирпичной стене.

– Но мы же были без свидетелей... Кха... – Попытался оправдаться Гиз, сплевывая кровь и крошки зубов. Всё-таки оплеуха не прошла бесследно.

Сержант будто отмахнулся от назойливой мухи, полностью обратил все свое внимание на Дрига.

– Ладно Гиз, дворняга необразованная, но ты то! Дриг! Даром что маг, и ты туда же! – Все больше и больше распался сержант. Отпустив Дрига Куртц переключился на Гиза. Взяв бедолагу руками за голову, сомкнул его лицо своей бульдожьей хваткой. – Вот скажи мне, Гиз, скажи дружище, что мешало более деликатно отнестись к своей обязанности, а? Ну чего же ты молчишь, ублюдок мать твою!

– Пощади, командир... – Только и выдавил бедняга Гиз, сопя от боли.

Помяв лицо рядового, сержант похлопал того по щекам и отойдя на пару шагов, оперся спиной к стене.

– Ладно... Ладно... Молодость и тупость это дело такое... Временное... – Резко сменив свой настрой начал размышлять сержант, закусив указательный палец кольчужной перчатки и совершенно не замечая, что он в чужой крови.

Его подчиненные замерли. Они знали эту перемену в командире. Словно бешеный волк, он мог рвать глотки на ровном месте, а в следующую секунду, не переводя духа, холодно и расчетливо отдавать приказы. О кровавых привычках сержанта Куртца в казармах западных ворот ходили легенды.

– И вот как мы поступим. Ротному пока ни слова. Ты, Гиз, возьми отгул, нечего приходить в казармы с разбитым лицом, не по уставу это. А ты Дриг ему поможешь. Ну, вы сами знаете, что да как. Возьмите Нокса, и-и-и... Нет, Менга не трогайте, он в оружейной по приказу старшины... Сирта возьмите, точно! Берите на слежку этих девок. Только по скромнее, и себя не светите. – Раздал указания сержант

– А зачем они вам, командир? – отдышавшись, спросил Дриг – Это же просто девчонки, толку нам от них.

– А за тем, петушья ляжка, что ты Дриг – отвесил Куртц подзатыльник своему подчиненному – совершил, возможно, самую глупую и страшную ошибку в своей никчемной жизни, а именно засветил свои способности. И нам остается только уповать на бабскую глупость.

Такая очевидная мысль Дригу почему-то в голову не пришла, возможно, из-за хорошей вбучки, устроенной сержантом, а может из-за собственной недалёковидности.

– Ладно, расходимся. Своих увидите если, скажите, что в увольнительной. Я капитану так и доложу. И вот еще что, разузнайте про вторую, блондинка, которая, один маг – это плохо, а два – это еще хуже. Не хватало, чтобы они мешали нам обмывать наши темные делишки.

– Будет исполнено! – не стройным хором ответили горе подчиненные.

Подхватив под руку своего незадачливого товарища, Гиз потащил его в ближайший кабак. Вести его к себе он не рискнул. Во-первых, его лачуга стояла в двух шагах от дома этих ведьм, а во-вторых, показываться им на глаза в таком виде не было ни малейшего желания.

Гиз ненавидел магов. За их высокомерие, за подлые трюки, за то, что одним щелчком пальцев они могли превратить в пыль такого, как он. Своего туповатого дружка он, конечно, уважал, но... сержанта боялся больше. А приказ был ясен: следить и докладывать.

– Вот же гадство, а дружище Гиз? Всякая шалупонь вроде этих детей заканчивает свои академии, да становятся полноправными магами. Нам беднякам как потом жить? – завел свою любимую тему нытья горе маг.

– Заткнись Дриг! Скажи спасибо нашему сержанту, ведь он взял нас под свое крыло. Сделал нас людьми, записал в стражи. Тебе, дураку, нашел учителя и оплатил его.

– Да-а-а... Сержант Куртц великий человек. – Протянул Дриг, но Гиз не смог понять насмешка то была или друг полон серьезности.

Маги-недоучки со слабым очагом манны не были редкостью в городской страже. Колдовать на службе им, как правило, не позволяли – то ли во избежание несчастных случаев, то ли из-за отсутствия лицензии. Закон был един для всех, будь ты кузнец, торговец или солдат. А Карающие не дремали. Узнай они, что сержант тайно натаскивает подчиненных для своих темных дел, – с плеч полетела бы не одна голова.

Куртц сильно рисковал, наняв для Дрига учителя, но игра стоила свеч. Дриг легко усмирлял строптивых, выслеживал беглецов и вообще был для сержанта незаменимой палочкой-выручалочкой. Да и самому Дригу деваться было некуда. Собственная семья вышвырнула его на улицу еще щенком – нечем было кормить.

Гизу повезло не больше. Верный служака, прошедший с Куртцем не одну войну, он так и не выслушал себе ни чина, ни уважения. Жалкое жалованье простого стражника, которого едва

хватало на еду, не говоря уже о выпивке и девках. Поэтому, когда сержант предложил «взять в оборот» местных лавочников, Гиз согласился не раздумывая. Наконец-то в руках зашелестели деньги.

– Ладно, Дриг, – прохрипел Гиз, помогая товарищу подняться. – Не будем подводить сержанта. Надо что-то думать. Подключим Нокса и Сирта, составим план. В одном Куртц прав – это соседство пахнет большими неприятностями.

Сплюнув на грязную брусчатку остатки крови и выбитых зубов, они побрели прочь, растворяясь в темноте.

Глава 3. Дела семейные

Утро встретило нас серой, безрадостной хмуростью. Невыспавшиеся, с гудящими от боли спинами, мы пересчитывали остатки нашего бюджета. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал: денег хватит от силы на пару дней жалкой, голодной жизни.

– А может... – тихий, почти беззвучный шепот Лизетты заставил меня вздрогнуть, – предложение того стражника было не таким уж и плохим? В борделях, наверное, хорошо платят.

Мои кулаки сжались сами собой.

– Ты хоть понимаешь, о чем говоришь?

– Я не маленькая, Рэнь! И не глупая! Я все понимаю! – в ее голосе звенели слезы обиды.

– Да?! – ярость взорвалась во мне. – Тогда раздевайся! – В следующее мгновение я уже впиалась пальцами в ее плечи.

– Что ты делаешь?! Пусти!

– Раздевайся, я сказала! Тебе же понравилось предложение! Сейчас выставим тебя на улицу полуголой, посмотрим, как тебе понравится!

– Я не пойду на улицу!

– Девочки, я понимаю, обстановка накаляется, – осторожно вставил Живчик, – но мне кажется, это уже слишком...

– погоди! – отрезала я, не сводя с Лизетты горящего взгляда. – У нас тут принцесса в проститутки нанимается! Смелая какая!

– А что делать?! С голоду подыхать?!

– Но не ноги же раздвигать перед каждым ублюдком!

Ярость, горячая и слепая, схлестнулась с ледяным ужасом отчаяния. Крик перешел в рыдания. Мы просто сидели на полу, обнявшись, и плакали – от бессилия, от страха, от унижения.

– Наревелись? – голос Живчика был непривычно тихим. – Может, хватит? Работа сама к вам не придет.

Лизетта отстранилась, вытирая глаза.

– Прости. Ты права, это была глупая идея.

– И ты меня прости. Я сорвалась. – Я поднялась на ноги, отряхивая пыль. – Тогда – вперед. На торговую площадь. Вместе. Попробуем вырвать хотя бы один заказ с доски объявлений

Лизетта ссыпала в карман последние медяки и, плеснув в лицо ледяной водой, попыталась смыть с себя остатки ночного кошмара. Приведя себя в порядок, мы вышли из дома.

Наш район, как всегда, был предоставлен сам себе – лишь одинокий стражник дремал у ворот, обняв алебарду. Но стоило нам пересечь невидимую границу, отделявшую нищету от богатства, как мы тут же наткнулись на сытый, самодовольный патруль.

– Вот тебе и разница, – прошептала Лизетта. – Нищие никому не нужны.

– Эти дома грабят ничуть не реже, – прокаркал ей в ответ Живчик. – Здешняя стража – просто красивая картинка. Декорация, создающая видимость порядка.

Блестящие шлемы повернулись в нашу сторону. Взгляды стражников были холодными и пустыми, но я почувствовала, как в них мелькнул недобрый интерес. Мило улыбнувшись, я подхватила Лизетту под руку и потащила своих болтливых спутников прочь.

Мы едва успели свернуть за угол, как тишину полудня разорвал леденящий душу вопль. Из дверей богатого особняка вылетела растрепанная женщина в ночной сорочке, с перекошенным от ужаса лицом.

– Помогите! Умоляю!

– Что случилось, сударыня? – Лизетта, разумеется, не могла пройти мимо.

Женщина, увидев в ней родственную душу, тут же бросилась ей на шею, сотрясаясь в рыданиях.

– Там... там... Чудовище!

– Где «там»? Можно конкретнее? – не выдержала я.

Она отстранилась и зло зыркнула на меня.

– В доме, где же еще?!

– Рэнь, давай посмотрим? – в глазах Лизетты уже загорелся азарт.

– Зачем? Чтобы снова вляпаться в неприятности? К тому же, тебе нельзя колдовать.

– Ну пожалуйста! – их голоса слились в отчаянной мольбе, и я поняла, что проиграла.

Я тяжело вздохнула. Ну вот. Начинается.

– Хорошо. Вы стойте здесь. Я найду и осмотрюсь. Живчик, ты тоже остаешься.

– Не больно-то и хотелось, – пробурчал он.

И в этом я была с ним полностью согласна. Лезть в пасть к неведомому чудовищу мне хотелось меньше всего. Но спорить с двумя перепуганными женщинами было бесполезно.

Сотворив воздушный щит и зажав в ладони парящий сгусток света, я осторожно, стараясь не шуметь, переступила порог близ стоящего дома, где были распахнуты настежь двери. Просторная круглая зала. Дорогие ковры, пыльные гобелены на стенах, лестницы, устланные ковровой дорожкой, уходящие куда-то вверх. Ничего необычного. Никаких следов борьбы.

«Слева спальня! Монстр там!» – донесся с улицы ее визгливый голос перепуганной женщины.

«Конечно, – мысленно огрызнулась я. – Иди прямо в пасть к чудовищу, девочка. Будешь ему отличной закуской».

Каждый мой шаг по темным половицам из дорогой древесины, отзывался оглушительным скрипом, сводя на нет все попытки двигаться бесшумно. Если в спальне и был монстр, он уже давно знал о моем приближении. Дверь в спальню, разумеется, тоже закрипела, словно жалуясь на судьбу. Неужели в этом богатом доме не нашлось капли масла?

Прямо по среди спальни стояла широкая кровать с разбросанными в разные стороны подушками, резные столики, усыпанные женскими безделушками по бокам от нее. Комната была залита солнечным светом, который отражался в большом, изящном зеркале, пускал причудливых зайчиков по стенам с белыми, украшенными золотыми обоями. Никого. Ничего.

«Тьфу! – я едва не сплюнула на паркет. – Нечего дрыхнуть до обеда, тогда и кошмары сниться не будут».

Злость захлестнула меня. Я развернулась, намереваясь высказать этой истеричке все, что я о ней думаю. Прямо в дверях я налетела на Лизетту. Она дрожала, как осиновый лист, и судорожно сжимала в руке маленький кинжал. Живчика, разумеется, рядом не было. Трусливая птица.

– Я же сказала тебе ждать на улице! – прошипела я. – Там пусто. Ни следа магии.

Не успела я договорить, как хозяйка дома, отшвырнув Лизетту, пронеслась мимо меня прямо в спальню.

– Как это нет?! – взвизгнула она. – Оно снова исчезло! Вильям! Немедленно иди сюда!

Из соседней комнаты вышел тучный, холеный мужчина в дорогом кафтане. На его лице не было и тени сна, видно, что мужчина давно проснулся и был явно недоволен тем, что разбушевавшаяся жена отвлекала его от утренних дел.

– Роза, что опять стряслось? – пробурчал он. – И кто это такие?

– Вильям! Оно снова приходило!

– И что? Пора бы привыкнуть.

– Из-за этой твари ушли все слуги! В доме холод, а по ночам бродит это чудовище! Найми мага, у нас же есть деньги!

– Я уже говорил тебе, Роза, – отрезал он, – я не собираюсь платить шайке шарлатанов! Само пройдет, подумаешь, привидение!

– Я больше так не могу! – взвизгнула Роза и ткнула в меня пальцем. Она топала ногами и трясла головой, у женщины явно началась истерика. – Ты! Ты ведь маг?!

Настало мое время.

– Да. И привидений не существует.

– Вот! – торжествующе оживился Вильям, тыча в меня пальцем. – Я же говорил! Если привидений нет, что за гадина бродит у нас, а?! Шарлатаны!

– Привидений – нет, – холодно отчеканила я, глядя ему прямо в глаза. – Есть призраки – творения некромантов. Существа, подчиненные воле своего создателя, способные находиться в нашем мире не более нескольких часов. И поверьте, если бы это был призрак, вы бы сейчас со мной не разговаривали. От них не убегают, просто выйдя из дома. Меня зовут Рэнния Ашера. Я – боевой маг Астара. Лицензия при мне. И если вы хотите снова спать спокойно, я могу вам в этом помочь.

– Госпожа маг! Умоляю, помогите! Мы заплатим, сколько скажете! – Роза вцепилась в меня, как утопающий в соломинку.

– Нет! – рявкнул Вильям.

– Да! – взвизгнула она. – Или я ухожу от тебя! Прямо сейчас!

– Ладно! – сдался он. – Но не говори потом, что я не предупреждал!

После недолгой, но яростной перепалки, контракт был заключен. Правда, жадный Вильям сбил цену до двух серебряных. Для нас и это было целое состояние. Мы потребовали половину вперед и беспрепятственный доступ в дом. Скривившись, он выгреб из кармана горсть медяков и с презрением сунул их в ладонь Лизетты.

– Хватит с вас. Можете начинать. Но если в доме пропадет хоть иголка, пеняйте на себя.

– Какой же ты отвратительный, Вил, – проворковала Роза явно довольная, что ее угрозы подействовали на мужа. Сияя, женщина упорхнула в соседнюю комнату наводить марафет. Мы остались стоять посреди спальни, все еще не в силах поверить в свою удачу.

Лизетта очнулась первой. Разжав ладонь, она принялась пересчитывать монеты.

– Сорок девять медяков, – разочарованно выдохнула она.

– Жлоб, – коротко резюмировал Живчик.

– Ну что, – я усмехнулась, глядя на Лизетту, – предложение о борделе еще в силе. Если передумала, шанс есть.

– Не язви, Рэнь. Лучше скажи, что там было?

– Абсолютно ничего. Ни следов магии, ни монстра. Просто комната. С очень мягкой, наверное, кроватью.

– Найдешь монстра – и у нас такая будет, – вздохнула Лизетта, пряча наше жалкое богатство. – Но как же так? Форма была, а следов нет.

– Может, ей просто приснилось?

– Ага, – вмешался Живчик. – И всем слугам тоже приснилось. Массовый кошмар, потвоему?

– Мне не приснилось, – твердо заявила Роза. Она успела переодеться в длинное бежевое платье и собрать волосы в высокую прическу, но это не могло скрыть измученную бледность и темные круги под глазами. – Я тоже так думала. Щипала себя каждый раз. Но это не сон. И еще, когда он появляется, сильно пахнет землей, как будто кто-то только что яму вырыл, и она оттуда выпрыгнула

– Как часто? – задумчиво спросила Лизетта. Запах земли смутил и меня. Бесплотные духи не .

– Раз в три-четыре дня. На несколько мгновений. Просто пугает, пытается наброситься и исчезает. Но сегодня... Обычно это была полупрозрачная, едва различимая фигура. А сегодня – ярко-голубая, со змеиными, желтыми глазами. Впервые оно появилось на кухне. Пойдемте.

Она повела нас в узкий, темный коридор, о существовании которого я и не подозревала. В нос ударил запах пыли и плесени.

– Здесь давно никто не бывает. После того, как ушли слуги, готовить стало некому. На кухне его видели чаще всего. Потом оно стало появляться и в спальне, и на втором этаже.

Кухня и впрямь представляла собой удручающее зрелище. Очаг давно остыл, на полу валялась посуда. Было очевидно, что слуги не просто ушли – они бежали в панике, бросив все. Мы обследовали каждый угол, заглянули даже в каморку кухарки – пусто, только расправленная кровать и кое-какая старая одежда, разбросанная по комнате. Ни малейшего следа магии.

– Никаких ритуалов, – констатировала я. – Здесь даже котла нет, чтобы простейшую мазь сварить. Роза, ваш муж никогда не нанимал магов?

– Ни разу! – в ее голосе прозвучала горечь. – Мне приходится тайком бегать к лекарю, если кто заболит. А он все равно каждый раз устраивает скандал, кричит, что в его доме – шарлатан.

– Удивительно, что он вообще уступил, – заметила Лизетта.

– Я пригрозила разводом, – тяжело вздохнула Роза, опускаясь на скамью. – Вы умеете заваривать чай? Я с утра ничего не ела. Может, за завтраком и поговорим?

На нее было жалко смотреть. Не дожидаясь ответа, добросердечная Лизетта уже хозяйничала у плиты, а я, без лишних слов, разожгла огонь. Вскоре в чайнике закипела вода, на сковородке зашкворчали яйца, и Роза, немного оттаяв, начала свой рассказ.

Поженились ворчливые супруги двенадцать лет назад, по настоянию отца Розы. Женщина была из богатого рода, ее отец третий советник короля. А вот Вильям, сын его старого друга, был без гроша в кармане. Отца это совершенно не смутило, ведь дружба для него стоит больше денег. Спросить чего хочет дочь, никто, конечно, не удосужился, но Роза послушная и покорная с детства спорить не стала.

«Стерпится-слюбится», – решила она тогда, покорно идя под венец. Не слубилось. Вильям оказался не самым плохим мужем – не бил, не унижал, – но его жадность не знала границ. Впрочем, денег в доме всегда было в избытке – отец до сих пор щедро спонсировал любимую дочь.

– Какое отношение все это имеет к монстру? – не выдержала я. – Лучше скажите, были ли в вашем роду маги? Есть враги?

– Рэнь! – шикнула на меня Лизетта, подвигая тарелку и красноречиво указывая, чтобы я ела и молчала.

– Да что я еще могу сказать, – вздохнула Роза. – В последнее время, еще до появления этого... существа, мы с мужем совсем отдалились друг от друга.

– А вы были близки? – я не смогла удержаться от саркастической ухмылки. Брак по расчету. Какая уж тут близость.

– Рэнь! – вновь возмутилась на меня Лиз.

– Нет, она права, – тихо произнесла Роза, и в ее голосе не было ни обиды, ни злости – лишь бесконечная, тупая усталость. – Мы никогда не были близки. Даже детей нет. Но мы...

общались. Иногда он даже водил меня гулять в парк. Мы всегда завтракали вместе. Я даже думала, что из нашего брака еще может что-то получиться. А потом... год назад... он просто охладел.

– И тогда же появился монстр? – осторожно уточнила я, стараясь не поймать гневный взгляд Лизетты.

– Нет. Гораздо позже. Месяца три назад. Впервые он появился здесь, на кухне. Напугал кухарок и исчез. Мне описали его как огромную, полупрозрачную, лохматую собаку с горящими глазами. Я не верила, пока не увидела сама.

– А запах земли? Он был с самого начала?

– О нет! Раньше это было просто... видение. Мираж. Но сегодня... сегодня все было иначе. Мне показалось, что тварь... обретает тело. Настоящее.

При одном воспоминании об этом Роза задрожала, вцепившись в чашку так, что побелели костяшки пальцев.

– Не волнуйтесь, госпожа Роза! – Лизетта тут же под села к ней, ободряюще обняв за плечи. – Рэнния – отличный маг! Она разберется с вашим псом на раз-два, правда?

– Если он ее первую не сожрет, – вставил свое веское слово Живчик.

– Пока он не обрел тело, он вряд ли опасен, – я поднялась из-за стола. – Но, судя по всему, процесс идет быстро. У нас мало времени. Я – в библиотеку. Вы трое – продолжайте осмотр.

– А если он появится?! – взвизгнул попугай. – Чем нам отбиваться?!

– Ноги в руки – и бежать. Но перед этим – рассмотрите его как следует. Он появляется раз в несколько дней. Значит, ему нужно время, чтобы накопить силы.

– Ты же понимаешь, что это лишь догадки? – голос Лизетты дрогнул. – Магическое существо непредсказуемо.

– О, я понимаю! – Я резко развернулась и, выхватив из-за пояса кинжал, с силой вонзила его в столешницу. Лезвие зазвенело, заставив Розу вскрикнуть. – Тогда бери. Защищай себя. И свою нанимательницу. Вернись через два часа. Надеюсь, продержитесь.

– Хамка! – крикнула мне в спину Лизетта.

– Трусиха! – не осталась в долгу я, выходя за дверь.

– Девочки... – донесся до меня печальный вздох Живчика.

Библиотека Академии Магии встретила меня привычным запахом пыли и тлена. Слабый огонек масляной лампы выхватывал из мрака лишь бесконечные ряды стеллажей, уходящих ввысь, теряясь в густой, непроглядной тьме под самым потолком. Узкие проходы между ними сплетались в причудливый, пугающий лабиринт, в котором так легко было сгинуть навсегда.

И над всем этим царством тишины и пыли властвовала она – Глетта Фимр. Высокая, смертельно бледная, тонкая, как жердь, она, казалось, сама была соткана из паутины и старого пергамента. Ее лицо, ссохшееся, с высокими, острыми скулами, никогда не знало улыбки, а вечно прищуренные глаза внимательно следили за каждым, кто осмеливался нарушить покой ее владений.

– Тише, – прошипела она, хотя в зале и так стояла гробовая тишина. Просто из вредности. Просто чтобы напомнить, кто здесь хозяйка.

Я возникла перед ее тронном – высокой конторкой – словно призрак из прошлого.

– Добрый день. Мне нужны книги о призраках и фантомах.

– Рэнния, – ее голос был сухим, как шелест осенних листьев. – Давно не заглядывала. Думала, ты уже насытилась вандализмом.

Воспоминания о вырванных из бесценных фолиантов страницах все еще были свежи в ее памяти. Я молча положила на стойку свой магический лицензионный свиток.

– Я больше не студентка. Но, насколько мне известно, библиотека все еще открыта для магов.

Глетта поморщилась, словно проглотила лимон.

– Уму непостижимо, каких бездарей нынче выпускают. Название.

– Призраки и фантомы. Все, что у вас есть.

– Все, что есть? – ядовитая усмешка тронула ее тонкие, бескровные губы. Не говоря ни слова, она беззвучно скользнула вглубь своего царства, растворившись в лабиринте стеллажей.

Вернулась она так же бесшумно. За ней, словно послушная свита, плыла по воздуху стопка из дюжины тяжелых фолиантов и древних свитков.

– Прошу.

Сгребя в охапку бесценные тома, я бросилась к длинному столу в центре зала. Книги с глухим стуком легли на потертую столешницу. Не церемонясь, я принялась за работу, лихо-радочно перелистывая страницы, разворачивая хрупкие свитки и с разочарованным вздохом отбрасывая один за другим.

А Глетта молча наблюдала за этим святотатством. Она, потратившая всю свою жизнь на то, чтобы из руин, из пепла, по крупичкам, по букве собрать это величие. Этот склад макулатуры, который она превратила в главную сокровищницу знаний королевства. Она видела тысячи лиц, слышала тысячи голосов, но давно пришла к выводу, что самая захудалая книга честнее и порядочнее любого человека. И теперь, в окружении этих безмолвных, верных друзей, она была бесконечно, абсолютно одинока. И тихой, ледяной ненавистью ненавидела их – этих юных, свободных, живых.

Пустота. Пролистав все, что мне выдала Глетта, я не нашла ровным счетом ничего. Все написанное было мне известно из лекций. Ни единого упоминания о «запахе земли» или о призраке, обретающем плоть. Призраки – бесцельные духи, привязанные к месту. Фантомы – порождения магии, питающиеся силой создателя и оставляющие после себя четкий магический след. Ни то, ни другое не подходило под описание нашей заказчицы. Если, конечно, она не лгала, запутывая нас еще больше.

С тяжелым сердцем я вернула бесполезные фолианты вечно недовольной Глетте и вышла на улицу. Совесть, до этого молчавшая, проснулась и принялась скрести когтями душу. Я накричала на Лизетту, оставила ее одну, без магии, с неведомым чудовищем, рисковать жизнью за жалкие гроши. Но как бы я ни злилась, эта работа была нам нужна. Любая. И нам просто сказочно повезло наткнуться на нее.

К особняку я добралась уже к вечеру. Прошло гораздо больше обещанных двух часов. Кажется, мне влетит...

– Рэнния! – Живчик, восседавший на дверном колокольчике, уже ждал меня. – Нам надо серьезно поговорить!

– Знаю-знаю, я ужасно себя вела...

– Мы, люди, – странные существа, – многозначительно изрек он, раскачиваясь из стороны в сторону. Попугай, казалось, совершенно упускал из виду, что сам к людскому роду не причисляется. Колокольчик под ним издавал унылый звон, похожий на похоронный набат по моей несдержанности. – Но я, пусть и простое порождение магии и большой фантазии своего создателя, понимаю, что ужинать пора давно. А ты бродишь черт знает где, Лизетта отказывается есть без тебя, а я, между прочим, нуждаюсь в питании каждые три часа.

– Пошли уже, порождение большой фантазии, – Лизетта, открыв дверь, согнала попугая с его импровизированного насеста. Одним жестом она прервала мои уже готовые сорваться с губ извинения. – Не надо. Все погорячились. Идем ужинать, Роза ждет. Надеюсь, есть хорошие новости.

Позже, переместившись из холодной столовой к уютно потрескивающему камину, мы пили ароматный травяной чай. За время моего отсутствия Лизетта успела испечь гору мягких, душистых булочек с корицей, отчего даже на лице вечно хмурого Вильяма промелькнуло нечто похожее на удовольствие. Давно этот дом не был наполнен теплом и запахом свежей выпечки.

– Значит, ничего, – подвела итог Лизетта, когда я закончила свой рассказ.

– По сути, да, – я пожалала плечами. – Но, по крайней мере, мы можем вычеркнуть из списка призраков и фантомов.

– А у нас есть список? По-моему, у нас теперь вообще ничего нет.

– Госпожа маг, – робко вмещалась Роза, – а может, это порча? Я читала, что проклятия могут быть какими угодно.

– Возможно. Новый, неизвестный вид проклятия, которое со временем набирает силу. В любом случае, я бы хотела поговорить с вашей бывшей кухаркой. С той, что первой увидела... его.

– Вы мне не доверяете?! – вспыхнула Роза.

– Доверяю, – спокойно ответила я, отпивая чай. – Но она могла заметить то, чего не видели вы. А еще, – я поставила чашку, – сегодня вы проведете ночь с нами.

– То есть? – ее тонкие брови удивленно поползли вверх.

– Рэнь! – Лизетта тут же бросилась спасать положение. – Не пугайтесь, госпожа Роза! Рэнния имела в виду, что мы будем охранять вас. Вдруг монстр появится сегодня. Нам нужно его увидеть.

Живчик укоризненно посмотрел на меня, и я, поевшись, плотнее закуталась в плед.

Ночь прошла без происшествий. Она тянулась бесконечно, наполненная скрипами старого дома и игрой теней от пламени камина. Мы по очереди дежурили у постели Розы, патрулировали темные коридоры. Даже Живчик, преодолев страх, зорко всматривался во мрак. Утром, как обычно не выспавшиеся, мы на скорую руку позавтракали и собрались к кухарке.

– Нет. Иди ты, – к моему удивлению, Лизетта твердо стояла на своем. Вчерашняя дрожущая лань куда-то испарилась. – У тебя получится выведать больше. А этот... пес... пока он бесплотен, он не опасен.

Пораженная ее внезапной храбростью, я молча кивнула и отправилась на поиски.

Как и следовало ожидать, бывшая кухарка Розы, Мэри, обитала в ремесленном квартале, в одном из тех уродливых двухэтажных строений, которые здесь с какой-то издевкой называли «квартирами». Человеческий муравейник, где в тесноте, но, как здесь говорили, «не в обиде», ютились десятки семей.

Стоило мне переступить порог, как из полумрака подъезда на меня, хохоча и улюлюкая, вылетела стайка чумазных детей, едва не сбив с ног.

– Ах вы, паршивцы! – раздался из глубины коридора сердитый женский голос. – Ну погодите у меня!

Навстречу мне, вытирая руки о передник, вышла низенькая, полная женщина с повязанным на голове белым платком. Заметив меня, она тут же сменила гнев на милость.

– Добрый день. Вы к кому?

– Я ищу Мэри. Она работала кухаркой в особняке...

– Да-да, это я, – тут же перебила она меня. – И если вы пришли уговаривать меня вернуться, то знайте: больше ноги моей не будет в этом проклятом доме! Я прослужила там десять лет, и госпожа Роза всегда была ко мне добра, но жизнь мне дороже любых денег!

– Могу я узнать, что заставило вас уйти?

– А вам какое дело?

– Не поймите меня неверно. Я здесь не для того, чтобы вас вернуть. Меня наняли, чтобы разобраться с тем, что вас напугало.

– Вы... маг?

– Да. Меня нанял муж госпожи Розы.

– Врете! – Мэри залилась громким, искренним смехом, всплеснув руками. – Да чтобы этот старый жмот Вильям нанял мага?! Да ни в жизнь!

С тяжелым вздохом я в очередной раз извлекла из-за пазухи свою лицензию. Кажется, без посоха и остроконечной шляпы меня так никогда и не будут воспринимать всерьез.

– Ну и дела... – протянула Мэри, с благоговением глядя на пергамент. – Видать, хозяину и впрямь допекло.

– Итак, что же заставило вас бросить такое... хорошее место?

– Да какое уж там хорошее... – она усадила меня за стол. – Хозяин за каждую копейку удавиться готов. Но мы привыкли. Не бьет – и на том спасибо. А потом, год назад, его словно подменили.

– Что-то случилось?

– Служанка новая появилась. Тинна. Хорошенькая, услужливая. Приглянулась она хозяину. Он вдруг подобрел, платить стал вовремя, даже прибавку давал. А уж Тинне – и подарки, и цветы... Хозяйка, слепой котенок, ничего не замечала, только жаловалась, что муж к ней охладел.

– Где сейчас эта служанка? – при этих словах руки Мэри нервно заметались по скатерти.

– Какое уж там... – прошептала она. – Кончилось счастье Тинны. Наигрался хозяин и бросил. Она ходила, как тень, злая, почерневшая от горя. А в одну ночь... я вышла во двор, слышу – плачет. Хотела утешить, а она как кинется на меня, как закричит! Лицо мне все исцарапала, как дикая кошка. А наутро – исчезла. Даже вещи не собрала.

– Понятно. А монстр?

– А это... Сначала и не монстр вовсе. Просто дым. Голубой дым из камина, посреди бела дня. И вонь... как после дождя, мокрой землей. Мы перепугались, проветрили, и все прошло. А потом по дому поползли тени. Слуги начали шептаться, что это кара за хозяйский разврат, и по одному разбегаться. Я держалась до последнего, у меня трое ртов. Пока эта тварь не появилась прямо на кухне.

– Она вас ранила?

– Да как же она ранит, она ж прозрачная, как дым. Только выла страшно и кидалась на всех, а сделать ничего не могла.

– И снова пахло землей? – голос мой дрогнул, внезапно догадка сама пришла ко мне в голову. Как же я сразу не подумала, о нем.

– Ну да. Воняло страшно.

В следующее мгновение я уже была на ногах. Забыв попрощаться, я вылетела из дома. Я не бежала – я летела, и в голове моей, как в бешеном калейдоскопе, сменяли друг друга боевые заклинания. Успею ли? Поможет ли хоть одно из них?

Ворвавшись в холл, я тут же врезалась в ошарашенного, трясущегося Вильяма. Он вцепился в меня ледяными пальцами, его глаза, выкаченные от ужаса, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– Где тебя черти носили?! – истошно заорал он, трясая меня, как тряпичную куклу. – Мой дом! Моя Роза!

– Где Лизетта?! – отшвырнув его, я бросилась к спальне, откуда доносились тихие, сдавленные стоны.

Комната была неузнаваема. Словно здесь пронесся ураган, разбросав мебель и разорвав в клочья дорогие ткани. На полу, рядом с опрокинутой кроватью, скорчилась Роза, зажимая разорванное плечо. Лизетта стояла рядом на коленях, пытаясь остановить кровь.

– Что здесь произошло? – Схватив простыню, я резким движением оторвала от нее длинную полосу и помогла Лизетте перевязать рану.

– Рэнь, я... я не знаю, что это было! – голос Лизетты срывался. – Оно появилось из камина. Сначала – голубой дым, потом он начал уплотняться, обретать форму... Огромная, лохматая псица, или скорее... волколак. С пасти капала голубая слюна, и воняло землей так, что дышать было невозможно! Оно погналось за нами и... прежде чем исчезнуть, набросилось на Розу. Я даже среагировать не успела, он был таким быстрым...

– Вам нельзя здесь оставаться. Отведи Розу к нам и позови лекаря. Живчик где?

– Тут я, – раздался с подоконника тихий голос.

– Отлично, – Я помогла Лизетте поднять стонущую Розу, женщина пребывала в шоке от боли и не могла сказать что-то вразумительное. Вся растрепанная, со стеклянными глазами, даже ноги переставляла скорее по инерции. – Сможете идти?

– Я найду извозчика, – каркнул Живчик и вылетел в разбитое окно.

– Ты знаешь, что это, Рэнь? – прошептала Лизетта, когда мы выводили Розу из комнаты.

– Вильям скрывает гораздо больше, чем мы думали. Не волнуйся. Я справлюсь.

Усадив их в подоспевшую карету, я развернулась и пошла обратно в дом. Прямоком в каморку Тинны. Обыскав кухню и комнату главной кухарки, я совсем упустила из виду комнаты остальной прислуги и даже не удосужилась туда заглянуть. Вот оно – пренебрежение низшим рангом слуг во всей красе. Теперь мои страшные догадки требовали подтверждения. Слишком много вопросов. Как простая служанка смогла призвать такое чудовище? Или это и впрямь проклятие? В любом случае, времени почти не осталось. Еще немного – и эту тварь будет уже не остановить.

Запах отчаяния и запекшейся крови ударил в нос, как только я толкнула ветхую дверь. Комната была разгромлена. Повсюду – разбросанные рунические камни, чашки с высохшим, непонятным варевом. А в центре, на грязном полу, – криво начертанная пентаграмма. Некромантия. Ритуал вызова, дилетантский, но напитанный такой ненавистью, что сама комната, казалось, сочилась ядом.

– Ритуал вызова мертвых на крови... Да еще и с определенным посылом, убить. Это не простой ритуал, требует большой концентрации и опыта. Не удивительно, что у Тинны, сразу не получилось. – Так, тихо разговаривая сама с собой, я ответила на все свои же вопросы. Осталось добиться от Вильяма правды и закончить эту историю.

Я нашла его в саду. Он скорчился в беседке, как побитая собака, трясась и всхлипывая.

– Ты знал, что она беременна, – это был не вопрос. Это был приговор.

Он вздрогнул, вскочил, как ужаленный.

– От-ткуда ты знаешь?!

– О чем? О том, что ты, наигравшись, выкинул служанку на улицу? О том, что заставил избавиться от ребенка, чтобы не лишиться денег тестя и не оказаться на помойке, выпрашивая милостыню как помойная крыса?

– Я влюбился! – его голос сорвался на визг. – Впервые в жизни! Все было бы хорошо, если бы не это проклятое дитя! – Губы Вильяма подрагивали, то ли от обиды, то ли от злости.

– Значит, ты велел ей избавиться от него.

Внезапно его страх испарился. Дрожь унялась, на лице проступила надменная, презрительная гримаса.

– Да что ты вообще понимаешь, девка? – он выпрямился, смерив меня ледяным взглядом. – Я нанял тебя убить монстра, а не копать в моем грязном белье. Убирайся. Таких, как ты, нищих побирушек с лицензией, – пруд пруди. Готовых за медяк собственную мать продать. И только попробуй пикнуть что-то Розе – я найду на тебя управу.

– Управу? – я усмехнулась. – А на Карающих ты тоже найдешь управу?

Его лицо вытянулось. Спесь слетела с него, как позолота с дешевой безделушки.

– Да-да, Вильям. Твоя любовница была не так проста. Она принесла в жертву вашего ребенка, чтобы призвать мертвую бестию. Тварь, что будет преследовать тебя, пока не разорвет

на куски. Меч ее не берет, серебро – не страшит. И знаешь, что самое забавное? Ритуал был проведен в твоём доме. А значит, как только бестия наберет полную силу, Карающие придут. Прямо сюда. Знаешь, что они делают с теми, кто балуется с некромагией?

– Но я не маг! Я не мог этого сделать, это всем понятно! – взвизгнул он.

– Карающим все равно. Есть преступление и конечно его виновник. Факт остается фактом, твой дом и бестия. – Действительно, никто не даст гарантии, что Карающие будут в чем-то разбираться. Они наделены безграничной властью, а уж в способностях их боевых магов сомневаться не приходится.

Хотя внешне я была спокойна, дыхание перехватывало от накатывающего гнева. С одной стороны, сдать этого гада на расправу Карающих очень уж хочется. Но с другой, мы с Лиз лишимся денег за работу и навряд ли сами протянем дольше Вильяма... Иногда в желании выжить, приходится принимать тяжелые решения и гад, виновный в смерти собственного ребенка, останется цел и невредим.

Вильям тоже понял свой шанс и на его губах зазмеилась гнусная, торжествующая улыбка.

– Значит, пора договориться о цене твоей совести?

– Моя совесть стоит дорого. В отличие от твоей.

– Три золотых. И ты замечаешь следы. Разумеется, Роза ничего не узнает.

– Десять. И Роза сама решит, что ей нужно знать.

Вильям расхохотался и еще больше расслабился, поняв, что теперь его шкура точно будет в безопасности.

– Ты не в том положении, чтобы торговаться со мной, девка.

– Ты тоже, – мой голос был тихим, но звучал угрожающе. – Моя совесть все еще здесь. Не забывай об этом.

Преступник сглотнул, взвесил все за и против, решил не торговаться. К тому же, что такое десяток золотых, уж его то жизнь стоит гораздо дороже.

– Ладно. Будут тебе твои деньги. А с Розой я сам разберусь.

Три золотых монеты, звякнув, упали к моим ногам, вот мне и задаток. Вильям развернулся и, не оглядываясь, пошел к дому, полностью уверенный в своей победе. Мне оставалось лишь поднять деньги с земли и приняться за свою черную, мерзкую работу по спасению мерзавца.

Отозвать Бестию может только ее хозяин. Однако сомневаюсь, что Тинна решит внезапно сжалиться над Вильямом, если мог-недоучка вообще понимает, что наделала. Поэтому мне нужна кровь хозяина, ее запах в моем заклятье одурманит бестию и на короткое время позволит мне ей управлять. А еще полынь и накаленная магическим огнем соль. Полынь усмирит гнев чудовища, а соль не даст ей повернуться против своего создателя и сожрать меня, когда мимолетное действие крови закончится. Отдав новый приказ бестии, можно изгнать ее. Осталось найти ингредиенты и Тинну.

Купив в ближайшей лавке все необходимое, я принялась творить заклинание поиска. Конечно, это отнимет много сил, но другого выхода у меня нет. Хорошо, что я прихватила из комнаты Тинны ночную сорочку, надеюсь, это принадлежало ей, а не какой-то еще служанке. Хотя и вещь сильно выделялась из общей картины разрухи в покоях юной некромагини, слишком уж дорого выглядела ткань. Если припомнить, Мэри говорила о неких подарках от Вильяма, возможно, это один из них.

Решив не отвлекаться на мелочи, я поспешила за зовом заклинания поиска. Внутренний голос, направлял меня к хозяйке вещи. Вскоре широкие улочки сменились узкими проходами квартала ремесленников, а затем и вовсе завел к трущобам. «Странно, – мелькнула мысль, – неужели дела ее настолько плохи? Или она просто затаилась, испугавшись?» – мысли мои прервались, когда я повернула в знакомый переулок, ведущий к западным воротам. Все это время, преступница была так близко?

Заклинание привело меня к собственному порогу. Голос внутри шептал: «Она там. Злодейка – там». Разум уже сложил два и два, но сердце отчаянно отказывалось верить.

– Рэнния? Ты вернулась? – Лизетта, увидев меня на пороге, тут же бросилась навстречу, засыпая вопросами. – Роза спит, лекарь дал ей сонное зелье. Она потеряла много крови, но теперь все будет хорошо.

– Нет, – мой голос был глухим, безжизненным. – Боюсь, теперь уже ничего хорошего не будет.

В комнате было тепло. В камине потрескивал огонь, в котелке над ним закипала вода. Казалось, что все спокойно, но в следующее мгновение дверь, в очередной раз сорванная с петель, с оглушительным грохотом рухнула внутрь.

Первым в комнату, низко пригнувшись, ворвался молодой маг в легких рунических доспехах. Антрацитовый камень в его руке вспыхнул фиолетовым, вырвался из ладони ослепительной молнией и завис под потолком, заливая комнату мертвенным светом. Несколько рун, на доспехе вспыхнули и через мгновение, я почувствовала неестественную слабость. Мой очаг манны, просто погас. Исчез. Слово его никогда и не было.

Незнакомец подал знак, и в дом, чеканя шаг, вошли еще трое. Закованные в тяжелые серебряные латы, за плечами фиолетовые плащи с символикой Карающих Мечей Астрала. Они рассредоточились по комнате, их взгляды сразу выцепили лежащую у камина Розу. Лизетта в это время, бледная как полотно, отступила назад, беззвучно хватая ртом воздух. Я же лишенная магических сил, так и осталась стоять на пути воинов, рискуя быть убитой впопыхах, без суда и следствия.

Последним порог переступил их командир – высокий, черноволосый, с лицом, словно высеченным из камня.

– Именем короля, – его голос, низкий и властный, прорезал наступившую тишину, – всем оставаться на своих местах.

– Господин Анхель, – из-за его спины, источая самодовольство, выплыл Вильям. Он ткнул в меня пальцем, его лицо сияло злобным торжеством. – Это не моя жена. Это – магичка, которую я нанял. Она покрывает Розу, прячет ее здесь! Я буду счастлив, если вы покараете и ее.

Анхель жестом прервал его и обратился ко мне.

– Имя. И причина, по которой вы препятствуете правосудию.

Но я его не слышала. Мысли неслись вскачь, одна безумнее другой, и даже отвратительное предательство Вильяма не произвело на меня никакого впечатления.

– Если ритуал был не на крови Тинны, а предположим их с Вильямом ребенка, значит, Вильям тоже может выступать хозяином так как след крови будет похожим. Согласно лекциям об ритуалистике, скорее всего, был нарушен круг контроля. Слишком много похожей крови для бестии, поэтому она напала на своих же хозяев? Но почему поисковое заклинание привело меня именно к Розе? Ведь она не участвовала в ритуале. Или сорочка просто принадлежала Розе, вот я и приплелась сюда. – Бормотала я про себя, не замечая окружающих.

– Очень интересно. Асграл, – обратился он к подчиненному, в легких рунических доспехах. – Доложи обстановку по поводу ритуала в особняке господина Вильяма.

– Командующий, девчонка полностью права. В ходе ритуала допущено много ошибок, некромаг явно новичок. Бестия полностью вышла из-под контроля и развивалась самостоятельно, подпитываясь кровавой жертвой – ребенком господина Вильяма и его служанки Тинны. Саму Тинну мы нашли мертвой, в подвале дома господина Вильяма.

– Бестия? – коротко уточнил Анхель.

– Никак нет. Она была мертва еще до призыва бестии, причем, – Асграл запнулся и поморщился, будто вспомнил что-то мерзкое, – весьма жестоким образом. Из ее чрева был вырезан еще не полностью сформировавшийся младенец, судя по исследованию трупа – шести-месячный.

Услышав доклад Асграла, я устало плюхнулась на пол, не с умев удержаться на ногах, чертов артефакт Карающих совсем лишил меня сил.

Как глупо, я, возомнившая себя самой умной, самой проникательной, не удосужилась сделать очевидного. Обыскав хорошенько дом Вильяма, то тоже нашла бы мертвую Тинну, ритуал в каморке слуг. Сравнить дорогой шелк найденной сорочки с платьями хозяйки. Задать на один вопрос больше, а не идти в библиотеку проверять первое же пришедшее в голову предположение. Такая мелочь, но я и тут провалилась, пойдя на поводу собственной гордости и с успехом выступила в этом театре абсурда.

Роза. Несчастливая, перепуганная, трепещущая жертва. Какую же гениальную, чудовищную роль она сыграла. А я, ослепленная жалостью и собственной гордыней, не видела ни тени сомнения. Ведь она знала все. О грязных интрижках мужа, о несчастной Тинне, о ребенке, которому не суждено было родиться и все хорошо спланировала, кроме одного – бестия. Призвав чудовище из бездны, она не удосужилась узнать, как им управлять.

– Я Командующий четвертого корпуса Карающих клинков Астрала, Анхель. Прибыл проинформировать арест Розы, супруги Вильяма, как главной подозреваемой в применении запрещенной магии на территории столицы. А также применение магии без лицензии мага. – Продиктовал официальное приветствие Анхель и протянул мне ругу, помогая подняться.

– Мое имя Рэнния Ашера, я хозяйка этого дома, а также лицензированный маг. Держите, – я протянула свиток с лицензией, с которым никогда уже не расстанусь. – Это Лизетта, моя подруга и Живчик, наш питомец.

– Питомец?! – тишина взорвалась оскорбленным воплем. Живчик, до этого сидевший неподвижно на спинке стула, взъерошил перья. – Это я-то питомец?! Как ты вообще смеешь меня так представлять. Я годы жизни посвятил заботе о тебе и воспитанию и вот что получил взамен – «питомец»?!

Удивленные воины во главе с командующим, все как один уставились на птицу. Барьер, подавляющий любые магические проявления, вдребезги рассыпался перед яркой птичкой. Артефакт должен был подавить не только меня, но и Живчика, полностью сотканного из магии, но тот и не думал лишаться сил. В то время, как я шаталась будто муха, которой оторвали лапки, Живчик орал как потерпевший, размахивая крыльями. Мало было удивительных событий для Карающих, но тут очнулась Лизетта, обнаружившая, что наш и так разваливающийся дом, еще больше разнесли.

– Моя дверь! – Заорала разгневанная подруга. Теперь все взгляды перешли на принцессу.

– Вы что, совсем не понимаете кто перед вами! Тупые девчонки! – Моментально побледнев, вскрикнул Вильям.

Асграл взял из моей протянутой, застывшей руки свиток с лицензией и быстро его развернув, пробежался взглядом по документу. После чего утвердительно кивнул командующему, при этом вернув лицензию обратно.

Слабый стон, донесшийся от камина, заставил всех замолчать. Роза, очнувшись от дурмана сонного зелья, пыталась приподняться.

– Полагаю, это и есть наша преступница, – холодно произнес Анхель. – Играм, проверь.

Один из воинов, гора мускулов в серебряных латах, осторожно приблизился к ней, убедился, что она не представляет угрозы, и кивнул командиру.

– Рэнния, – Анхель снова обратился ко мне, и его голос был подобен лязгу тюремных засовов. – Ваша лицензия дает вам один шанс. Завтра. В штабе Карающих Мечей. Явитесь на допрос. Или я арестую вас за сокрытие преступника.

И они ушли. Просто ушли, забрав с собой все еще невменяемую Розу и ухмыляющегося, торжествующего Вильяма. А мы остались. Одни, посреди разгрома, в доме, где вместо двери зияла черная дыра, в которую врывался прохладный ветер.

– Рэнь... что теперь? – прошептала Лизетта, кутаясь в плащ.

– Молиться, – хмуро бросила я.

– Шутки с Карающими плохо кончаются, – подвел итог Живчик.

– Нет! – Лизетта вдруг вцепилась в меня. – Я... я могу пойти к отцу! Он поможет, я знаю! Я буду умолять его, на коленях, но я спасу тебя!

– Успокойся, – я мягко отстранила ее. – Не надо впутывать в это еще и короля. Думаешь, он захочет связываться с Карающими? Эти ребята не подчиняются никому. Подумаем об этом завтра. Сейчас нужно что-то делать с дверью.

– Хамы, – проворчал Живчик. – Даже не извинились за ущерб.

– А Вильям... он ведь нам даже не заплатил! – снова взвыла Лизетта.

– Не совсем, – я позволила себе слабую улыбку. – Смотри.

Вытащив из кармана три тяжелых золотых монеты, я поднесла их прямо к ее заплаканному лицу.

– Откуда?!

– Я взяла предоплату. Очень умно с моей стороны, не так ли?

– А это много? На яблоки хватит? – Живчик недоверчиво склонил голову набок. Яблоки он обожал. С тех пор, как он у нас появился, все фрукты, что нам выдавали на обед в Академии, доставались ему.

– Мешок! – глаза Лизетты, еще влажные от слез, вспыхнули. – Живчик, да на это можно купить целый мешок яблок!

– Если экономить, – я вернула их с небес на землю, – мы переживем зиму. А весной... весной видно будет.

Сейчас конец осени и неумолимо приближалась зима – мертвое время для нашего ремесла. Нежить спит под снегом никто не суется на поверхность, кроме опасных и выносливых тварей, которые мне будут не по зубам. Браться за проклятья, я теперь еще долго не решусь, провал в деле с Розой и Вильямом, хорошо остудили мой горделивый пыл. Без денег и дров – ты просто обречен на голодную смерть. Но сегодня нам повезло. У нас были и дрова, и дом, и три золотых – целое состояние.

Живчик, воодушевленный перспективой, тут же потребовал стратегический запас яблок и моркови на всю зиму, на что получил решительный отпор от Лизетты, в которой мгновенно проснулась суровая хозяйка. Она безжалостно конфисковала у меня монеты, спрятав две из них в наш тайник за расшатанным камнем в камине. С оставшимся золотым, зажатым в кулаке, мы отправились на рынок – заделывать дыру в стене и, так уж и быть, за яблоками и другими припасами.

Я старалась выкинуть все лишние мысли про Розу, визит к Карающим и свой провал из головы. Сейчас мне нужно обеспечить всем необходимым Лизетту и Живчика. А завтра, я явлюсь на поклон к Карающим и буду молить их о снисхождении. Если таковое не случится... Что же, это будет самая глупая смерть на свете.

Рыночная площадь оглушила ревом, какофонией голосов, запахов и красок. Шатры, лавки, лотки – все это сливалось в единое, трепещущее, живое море, в котором я тут же начала тонуть. Голова пошла кругом, к горлу подступил тошнотворный ком.

Но Лизетта и Живчик, напротив, оказались в своей стихии. Моя тихая, напуганная подруга преобразилась. В ее глазах зажегся хищный огонь, в голосе появились стальные нотки. Она, словно опытный полководец на поле боя, вела нас сквозь толпу, вступая в яростные словесные дуэли с торговцами, из которых неизменно выходила победительницей. Живчик, маленький пернатый демон, вторил ей пронзительными криками, сбивая с толку и без того ошарашенных лавочников.

За два отреза грубого полотна они выторговали в придачу цветастую скатерть. Плотнику, запросившему за новую дверь и пару стульев целое состояние, пришлось уступить четыре

серебряных. Я молча тащила следом, навьюченная свертками и мешками, и с неммым восхищением наблюдала за ними. С такими – не пропадешь.

– Рэнь! Хватит мечтать! – голос подруги вырвал меня из задумчивости. – Бери это и дуй в тот шатер. Нам нужны циновки. Я устала ходить по голым доскам и собирать занозы.

Она всучила мне еще несколько свертков, сунула в руку пару монет и подтолкнула в спину.

Домой мы вернулись только к вечеру – измученные, но пьяные от своих маленьких побед. И тут же торговый пыл Лизетты сменился хозяйственной лихорадкой. Тонем, не признающим отказов, она раздавала задания и гоняла нас с Живчиком. Так я отправилась чистить камин и таскать воду из ближайшего колодца для приготовления ужина. А Живчик выбирал из пшеничной крупы мелкий мусор и гнилые зерна. Даже плотник, прибывший устанавливать новую дверь, получал указания от неугомонной девушки. Зато работу свою выполнил всего за несколько часов, лишь бы поскорее скрыться от строгой заказчицы.

– Лиз, – спросила я позже, отмывая с лица сажу, – откуда ты все это умеешь? Ты же принцесса...

– Уже нет, – резко оборвала она, и в ее голосе прозвучала такая боль, что я пожалела о своем вопросе. – В детстве, – продолжила она уже мягче, – я любила сбегать на королевскую кухню. Там всегда пахло выпечкой и пряностями. Кухарки, втайне от матери, научили меня готовить. Я часами пропадала там, и никогда не думала, что это мне когда-нибудь пригодится.

– А шить? – я кивнула на идеально ровные швы на новых простынях.

– Этому учила мать. Мы вместе вышивали парадные мантии для отцовских советников. Считалось великой честью носить одежду, к которой прикасались руки королевы и ее дочери. Отец дарил их самым выдающимся людям, в знак особого расположения.

Она замолчала, глядя на огонь, и в ее глазах отражались отблески пламени и тени прошлого.

– Надо же... – прошептала я. – Как здорово...

– Иметь семью? – Продолжила мои слова подруга. – Да, но только в том случае, если она всегда рядом, любит и поддерживает тебя. Мать не заступилась за меня перед отцом, я не получила ни одного письма от нее за все 10 лет. Знаешь, иногда я думаю, лучше бы никогда не знала родных. Так проще. Не скучаешь, не ждешь. Просто знаешь, что ты один и не надеешься на чудо.

– Ты не права, – тихо возразила я. – У тебя хотя бы есть воспоминания. Даже плохие. А у меня – пустота. Белый лист, на котором нет ни одного родного имени. И вечные вопросы, на которые никогда не будет ответа: кто я? Зачем я здесь? Нужна ли я хоть кому-то в этом огромном, холодном мире?

– Глупая, – голос Лизетты стал мягче. – Открой глаза. У тебя есть мы. У тебя есть твой дар. Твоя жизнь – это и правда чистый лист. Но это не проклятие, а благословение. Ты можешь написать на нем все, что захочешь, не оглядываясь на прошлое, не мучаясь от обид и разочарований.

– Она права, – неожиданно серьезно прокаркал Живчик. – Я иногда смотрю на своих сородичей и думаю: до чего же глупые создания! И ведь я – один из них. Уж лучше быть одному, чем с такими родственничками.

– Я знаю, – я благодарно сжала ее руку. – И вы – моя семья. Просто... иногда так хочется заглянуть за завесу. Хоть на мгновение. Просто чтобы знать.

– А если там – убийца? – Лизетта всыпала в котелок щепоть сушеных трав. – Или шлюха из портового борделя? Или, еще хуже, некромант? Что ты будешь делать с этим знанием? Как жить?

Котелок над огнем весело булькал, и по комнате поплыл пряный, уютный аромат, прогоняя прочь призраков прошлого.

Я представила себе эту картину, и меня разобрал смех. Настоящий, искренний, освобождающий.

– И правда, представляю себе это встречу. В любом случае, мне этого никогда не узнать. Так что... давайте есть.

Этим теплым и уютным вечером, я ловила каждый момент, каждый звук в нашем укромном жилище. Выйдя за ворота академии, у нас не было ничего и всего за каких-то пару дней вдруг появилась крыша над головой, еда и надежды на будущее. Видимо, сама судьба всплакнула над нашими бедами и сжалилась, послав хоть и сомнительный, но счастливый билет. Завтра... Я выкручусь, не знаю как, но я сделаю все возможное, что бы Карающие пощадили меня, не упихнули в тюрьму или вовсе не казнили. Я хочу жить. Так отчаянно, так яростно, как никогда прежде.

Вечером, в теплом брюхе кабака «Сытый Путник», сержант Куртц пребывал в самом благодушном настроении. Дела его шли хорошо, единственной занозой в заднице сержанта стали девчонки, поселившиеся в квартале нищих. И ладно бы просто бабы, еще и лицензированные маги. Если бы Дриг не засветил свои способности, так и оставили бы в покое наглых девиц. Себе дороже с такими связываться.

Он лениво потягивал новомодный восточный кофе закусывая пшеничными лепешками с маслом, вспоминая недавний разговор с одним из своих... подопечных, купцом Вильямом. Тот жаловался на какую-то нечисть в доме. Куртц тогда лишь отмахнулся. Проблемы богатых. Денег у Вильяма – куры не клюют. Наймет кого-нибудь.

За обедом перепуганный купец выложил все. И кого он нанял! Ту самую девчонку из квартала нищих. Малявка оказалась на удивление хваткой. Раскопала все: и про старую интрижку Вильяма, и про проклятие, и про тварь, которую тот назвал «бестией». Судя по тому, как трясся старый скупердяй, тварь и впрямь была опасной.

Но самое пикантное было в другом. Ушлая магичка теперь шантажировала Вильяма, угрожая рассказать жене про любовницу и ее приплод.

Куртц усмехнулся в чашку. Как все удачно складывается. Просто великолепно.

И тут, в пропахшей перегаром и жареным луком голове сержанта, созрел план. Простой, как удар дубинкой, и гениальный в своей циничной элегантности.

Он посоветовал Вильяму не мелочиться. Зачем платить шантажистке, если можно решить все проблемы одним махом? Нужно просто пойти к Карающим Мечам. И сделать донос. На собственную жену.

Логика была железной. Темная магия? В их доме. Кто первый донес – тот и прав. Карающие заберут Розу, а Вильям – невинная жертва, скорбящий муж. Который, к тому же, приберет к рукам все состояние ее отца.

А вишенка на торте? Та самая магичка. Она ведь прячет «пострадавшую» у себя. Одним ударом – двух зайцев. Нет, даже трех. Куда ни глянь – сплошные плюсы.

Тут дверь кабака с громким стуком распаивается, и в помещение вваливается запыхавшийся стражник. Прихлебывая кофе, сержант мимолетно огляделся, кого это сюда принесло.

– Сержант! – еле отдышавшись воскликнул Гиз. Курц узнал подчиненного и знаком поминал того к себе. – Сержант, срочное донесение, разрешите доложить!

Курц знаком приказал Гизу умокнуть и махнул в сторону скамьи, подле своего стола.

– Садись, Гиз. Дружище, успокойся, отхлебни прелестнейшего кофе, освежись, а потом коротко и, по существу, доложись. – Прибывая все еще в отличном расположении духа, Куртц взял из корзинки лепешку, и с хрустом начал делить ее пополам. – Раздели эту скромную трапезу со своим командиром.

– Командир... – Заикнулся было Гиз, птясь как затравленный кролик, не решаясь пристесть. Посетители кабака уже начали обращать внимание на разыгравшуюся сцену, но тут дверь с хлопком снова открылась.

На этот раз, в помещение ввалилось сразу два стражника. Рядовые Нокс и Сирт, которых сразу узнал Куртц, те тут же метнулись к сержанту и в один голос начали что-то бессвязно тарыхтеть. Не успел сержант еще разобрать слов, как дверь в кабак хлопнула в третий раз. Та, не выдержав такого непотребного обращения, с протяжным скрипом повисла на одной петле. Рядовой Дриг, как самый рослый и широкий из всех подчиненных сержанта, будто и не заметил такой мелкой преграды, как дверь.

– Вашу ж мать! – Заорал хозяин заведения, возмущенный порчей имущества. – Сержант, угомоните своих прохиндеев! Они мне весь кабак разнесут!

Дриг не обращая внимания ни на хозяина, ни на своих товарищей тут же рванул к командиру.

– Сержант, как вы и просили, я проследил за девчонками, и вот что выяснил. Вчера к ним, нагрянул отряд карающих, жену повязали, как и самого Вил... – не успел рядовой договорить, как получил резкий тычок под ребра от своего же сержанта. А в раскрытый от боли рот влетела половинка лепешки.

Не говоря ни слова, Куртц мертвой хваткой вцепился в шкурку Дрига. Бросив на стол пару серебряных монет, он, словно мешок с трепухой, поволок подчиненного к выходу. Сирт, Нокс и Гиз, не смея испытывать судьбу, молча последовали за ним.

В темном, воняющем мочой проулке, сержант одним движением впечатал Дрига в стену и развернулся к остальным.

– Ну давай, сын собаки, докладывай! – прорычал он, его лицо оказалось в паре дюймов от лица перепуганного Гиза.

– Сержант, мы следили за ними, как вы и приказали, – затараторил тот. – Маг из них только одна, черненькая, с лицензией. Вторая – так, по хозяйству. Ну и птица эта их... волшебная. Вечером они привели к себе жену этого торгаша, Вильяма. А потом... потом появился и сам Вильям. С Карающими. – Они повязали всех, сержант. Кроме этих девок. Увели в свой штаб.

– Вильяма повязали Карающие! – взревел Куртц, и его голос эхом пронесся по проулку. Он вцепился в грудки Гиза, отрывая его от земли. – Ты понимаешь, что это значит?! Они же расколуют его, как гнилой орех! И тогда наши задницы окажутся не просто в дерьме, дружище! Они окажутся на плахе!

– Уже не расколется, – донесся тихий, почти беззвучный голос Сирта. Он трясся от страха больше всех, так как был новеньким в этой каше.

– Некому раскальваться, – на удивление спокойно поддержал его Нокс.

Хватка Куртца ослабла. Он медленно опустил Гиза на землю. И его взгляд, холодный и смертоносный, впился в лицо рядового.

– Поясни-ка.

– Он же в курсе всех наших дел, командир, – голос Гиза был ровным, почти безразличным. – Оставим такого свидетеля в живых, и завтра сами ляжем под нож Карающих. Мы проводили конвой. Пара монет знакомому тюремщику. Сегодня ночью наш Вильям... посетит праотцев.

– И ты так уверен в своем «знакомом»? – хватка Куртца не ослабла ни на йоту.

– Обижаете сержант, да я с ним с одной миски с детства хлебал. Да мы с ним... – Нокс умолк, прерванный резким жестом сержанта.

– Значит дело в шляпе. Осталось только тихо разобраться с девками. Уже лучше, молодцы.

Куртц ослабил хватку и с миром распустил «собратьев по оружию», отложив расправу на другой раз. Погрузившись в свои мысли, он угрюмо по плелся в сторону дома. Откуда только взялись на его голову эти проклятые маги.

Глава 4. На лезвии Карающего Клинка, найдешь ты ответы

День моей казни выдался на редкость погожим. Солнце заливало город теплом, но здесь, у подножия штаба Карающих Мечей, царил вечный холод. Их башни, словно клинки, вонзались в ясное небо, отсекая свет, бросая на землю зловещие, рваные тени.

В Астаре лишь две могущественные и помпезные резиденции. Это королевский дворец, посреди центральной площади и штаб карающих, на севере города. В месте, где богатые районы нищают и превращаются в ремесленные кварталы, как раз расположился Моон де Дрим. Замок, некогда принадлежавший Селении Дрим, основательнице Астара. Как рассказывал Ингис на лекциях по истории, Селения была одним из первых магов добившихся невероятных высот в своем искусстве. Ее портрет даже висит у мастера истории в кабинете, и Ингис никогда не упустит возможности похвастаться этим раритетом. Однако, я слышала совсем не лестные про нее истории.

Сейчас, однако, я разглядывала не древние стены, а сморщенное, злое лицо секретаря, который в десятый раз отказывался меня впускать.

– Нет его! – рявкнул он.

– Но мне назначено!

– Ничего не знаю! Да и с чего бы тебе так рваться на допрос? На плаху захотелось? – Он подпрыгнул на стуле, замахал руками, словно отгоняя назойливую муху, и с презрительным фырканьем зарылся в свои бумаги. – Иди отсюда! Понадобисься – пошлем за тобой.

Фыркнув, секретарь заворочил свои бумаги, увлеченно перебирая каждый лист. Я так и осталась стоять, не понимая, как поступить.

– Вы сегодня снова не в добром расположении духа, господин Килиус? – Мягко поинтересовался знакомый голос. Из-за моей спины, грациозно появился мастер истории Ингис Лас-торский. Первый раз вижу его не в черной, больше похожей на балахон мантии, а в аккуратном дорожном костюме. Но зеленые глаза все такие же ясные, а волосы все еще непослушные. Интересно, сколько Ингису

лет? —

Рэнния?! А ты что тут забыла?

Мастер удивленно вскинул черные брови и тут же недовольно нахмурился.

– Мастер Ингис, мне тут назначена встреча. – Я решила не говорить об истинной причине моего прихода, не позориться перед бывшим учителем.

– Да-да, конечно. Подозреваемая явилась на допрос! – Тут же сдал меня с потрохами противный Килиус.

– Так вы знали?! – ярость, горячая, как лава, обожгла вены. – Знали и все равно меня не пропускали?!

Хотелось вцепиться в его сморщенную шею, но Анхель вряд ли бы это оценил.

– И что же ты успела натворить, что навлекла на себя гнев Карающих? – голос Ингиса был спокоен, но в нем слышались нотки беспокойства.

– Это не ваше дело, – отчеканила я, боясь встретиться с ним взглядом. Боясь увидеть в его глазах осуждение. Или, что еще хуже, – разочарование.

Не слушая вопли секретаря, я шагнула в первый попавшийся коридор, надеясь затеряться в этом каменном лабиринте и найти хоть кого-то, кто укажет мне дорогу на плаху.

Замок Карающих был огромен и пуст. Величественный снаружи, внутри он был по-спартански строг и холоден, Карающие не кичились богатыми убранствами, оставляя лишь самые необходимые вещи для жизни и бесконечных тренировок.

На территории Моон Де Дрим уместились казармы, палаты для переговоров и допросов, лаборатории для экспериментов в магии и множество помещений, в которые мне не удалось заглянуть. Я направилась к лестнице ведущие на нижние этажи, в подвальные помещения, где располагались пыточные, а заодно и тюрьмы временно содержания преступников. Место, где ломали волю и вырывали правду. Сюда меня направила пробегающая мимо служащая, Анхель как раз находился на «рабочем месте».

В подземелье, тишина и спокойствие Моон Де Дрима, сменились гулом обреченных и полных боли криков заключенных. Взгляд выхватывал из полумрака огромные клетки из толстых прутьев. Внутри, в свете тусклых факелов, корчились тела, а над ними, словно бесстрастные мясники, склонялись фигуры в серебряных латах.

Проходя мимо этих загонов для скота, содрогаясь от каждого стоны, я наконец увидела командующего Анхеля. Он стоял в конце коридора, спокойно беседуя с мастером Ингисом, и неторопливо стягивал с руки тяжелую руническую перчатку. А за его спиной, прикованная к стене, сидела Роза. Вернее, то, что от нее осталось. От прежней, холеной, полной жизни красавицы не было и следа. Лишь серое, измученное лицо, пустые, стеклянные глаза и тело, обернутое в грязные лохмотья.

Сердце сжалось от жалости. На мгновение захотелось броситься к ней, помочь, утешить... Но я сама была в одном шаге от такой же цепи. В одном неосторожном слове от того, чтобы лечь рядом с ней на холодный камень, если Анхелю не понравятся мои оправдания.

– Анх, ты же знаешь кто она? Будь благоразумен, ну какой из нее некромант! – До меня долетали обрывки фраз мастера истории, но полностью разобрать слов я не могла. В голове стоял звон, он шума подземелья и его обитателей.

– Откуда я должен был знать? У нее на лбу родословная не написана. Пусть отвечает по закону! – командующий отбросил тряпку и отмахнулся от Ингиса.

– По какому конкретно закону? Не многовато ли их в последнее время поменялось?

– Командующий, Анхель, – решив не подслушивать чужие разговоры, хотя и очень интересно, я обратила на себя внимание мужчик. Голос был чужим, сирым. Я с трудом разлепила пересохшие от волнения губы. – Прибыла на допрос Рэнния Ашера.

Мужчины замолчали и обратили на меня внимание. Ингис с сочувствием, понимая, насколько мне тяжело наблюдать происходящий вокруг ужас. А вот Анхель ничуть не сочувствовал, и жестом пригласил меня подойти ближе.

– Проходи, я думаю, у Розы есть, что тебе сказать. Да, госпожа? – Анхель пнул своим обшитым железными пластинами сапогом стонущую женщину.

– Да, господин я все расскажу. – Хриплым, еле слышным голосом тут же взмолилась она.

– Анх... – Ингис с укором посмотрел на командующего, не одобряя его жестокость.

– Ладно-ладно. Поднимайся ко мне в кабинет, Рэнния. Асграл, проводи. Я буду позже. – Из тени шагнула знакомая фигура. Железные пальцы вцепились в мое предплечье. Я не успела даже пикнуть, как меня поволокли прочь. Спротивляться было бесполезно.

Кабинет командующего показался мне раем после подземелий. И зачем я только туда сунулась? Лишь натерпелась страху. Зато теперь я в полной мере осознавала, в какую яму угодила. Асграл, бесцеремонно усадив меня на жесткий стул, замер у двери. Караулит. Словно я собиралась бежать.

Нелепая, отчаянная шутка сорвалась с губ сама собой:

– Может, чаю?

Асграл, на удивление, не проигнорировал.

– С незнакомками не разговариваю, – он подмигнул, и на мгновение суровое лицо стража сменилось озорной мальчишеской ухмылкой. Сложив руки на груди, он расслабленно прислонился к стене. – Но если мы познакомимся поближе... все может быть.

Асграл был молод и, на удивление, приветлив. Мягкие черты лица, светлые пшеничные волосы и ямочка на левой щеке, выдававшая в нем улыбочивого и добродушного человека. Не окажись я в этих стенах, в шаге от пыточной, я бы, даже, обратила на него внимание.

– Рэнния, – бросила я. – Но, судя по всему, на свидания вы приглашаете исключительно в пыточные.

– Смотря у кого какие вкусы, – он снова подмигнул.

Дверь распахнулась, и на пороге вырос Анхель.

– Асграл! И секунды без присмотра оставить нельзя! – прогремел его голос. – Опять за свое? Кому сказано: на службе нет женщин, есть только подозреваемые!

– Командир, будь вы повнимательнее к заключенным, может, уже и жениться успели бы, – хохотнул тот.

– Иди, проветри свое эго, паршивец, пока я не отстранил тебя от службы! – рыкнув, Анхель вытолкнул подчиненного за дверь и тяжело опустился в кресло напротив.

Он сел, зарылся в кипу бумаг на столе, выудил какой-то свиток, макнул перо в чернильницу... и с тихим ругательством отбросил его в сторону.

– Роза во всем призналась. И полностью тебя выгораживает. Ингис примчался тебя защищать, что на него совсем не похоже. Вильям до допроса не дожил, но с этим мы еще разберемся. А теперь, – он впился в меня взглядом, – рассказывай ты. Все. С самого начала.

Меня не пришлось упрасивать. Слова полились из меня, как прорвавшая плотину река. Я рассказывала все, то захлебываясь слезами, то заходясь нервным смехом. На всякий случай, решив рассказывать с того самого дня, когда за нашими спинами захлопнулись ворота Академии. Я говорила несколько часов, пока не охрипла. Переведя дух и осушив стакан воды, который молча поставил передо мной заботливый Асграл, я замолчала, выжидающе глядя на Анхеля.

– Что ж... Это все объясняет.

– Но не доказывает. Вы поверите мне на слово?

– Конечно, – ухмыльнулся командир, бросив одобрительный взгляд на своего подчиненного, который тут же хихикнул и снова скрылся за дверью. – Против заклатья правды Асграла еще никто не устоял.

– Но... зачем тогда все это? Зачем мучить людей?

– Потому что не все так просто, моя наивная девочка, – Анхель устало потер затылок и снова безуспешно попытался что-то нацарапать на листе бумаги. – Ох уж эти отчеты...

– Значит, я простушка? – Моментально обидевшись, я заерзала на неудобном стуле пытаюсь размять задеревеневшую филейную часть тела.

– Ты неопытна. Но Ингис дал тебе блестящую рекомендацию. А я привык ему доверять. Возможно, из-за твоего происхождения, а может, по доброте душевной. В любом случае, я и сам вижу, что ты не лишена таланта и желания докопаться до сути. Давно у нас не было таких толковых магов.

– Происхождение? О да, происхождение из плетеной корзины оставленной у ворот академии, конечно же все меняет и предоставляет мне железную хорошую репутацию. – Я попыталась саркастично улыбнуться, но на непроницаемом лице Анхеля не было и тени улыбки.

– Хм, значит ты и сама ничего не знаешь. – Брови Анхеля поползли вверх, рискуя запутаться в черных волосах. – Оставим тайны Ингиса. У меня есть предложение. Понравилась ты мне, вижу, толк будет. В штат, конечно, не приму, но на обучение и послушание могу. А там со временем, кто знает...

– Погодите... вы предлагаете мне работу?! – Я вскочила, едва не опрокинув стул. Из подозреваемой – в сотрудники. Голова шла кругом.

– Не совсем, – его голос был ровным, как лезвие гильотины. – Сначала – обучение. Потом – мелкие поручения. Если заслужишь – войдешь в штат. Считай, это твое... наследство. Если верить Ингису. Но работа не из легких, сама понимаешь.

– Да справится она, командир! Девка – огонь! – в дверном проеме нарисовался Асграл, но, поймав взгляд Анхеля, тут же утек обратно. Видимо он все же подслушивал наш разговор, раз так быстро в него вклинивался. Откуда столько любопытства к моей скромной персоне.

– Но как же... укрывательство... пытки... – я несла какой-то бред, не помня себя от счастья. Слезы облегчения застилали глаза, а губы сами собой растягивались в радостной улыбке.

– Брось, – отрезал он. – Если бы я хоть на секунду усомнился в тебе, ты бы уже шла на казнь вместе с Розой.

– Ее все-таки казнят? – Я плюхнулась обратно на стул, представляя как «обрадую» Лизетту, ведь не вмешайся мы, возможно, Розу и не смогли бы поймать. Вместо помощи и поддержки, мы с Лиз лишь приблизили плаху к голове обезумевшей от несправедливости судьбы и предательства мужа женщины.

– Безусловно. История мутная, разбираться пришлось долго. Но как выяснилось в ходе расследования, Вильям изменил жене, заделал служанке ребенка. О чем и узнала Роза, восплавав ненавистью. Она нашла в библиотеке отца нужные записи о ритуалах, и решила отомстить муженьку и его любовнице. Убив Тинну в комнате прислуги, вырезала из чрева матери младенца и призвала бестию. Дальше ты знаешь – бестия вышла из-под контроля, начала охотиться на всех, до кого дотянется. Испугавшись за собственную жизнь, Роза как раз наткнулась на вас с Лизеттой. Не зная, что подставляет сама себя, наивная женщина наняла вас думая, что маги просто убьют бестию. Но получилось по-другому.

Тут Анхель остановился и задумчиво покрутил в руках перо.

– Девочка, я понимаю, что решение взять у Вильяма деньги и сделать все самой пришло к тебе от безысходности. Но это слабо тебя оправдывает перед законом. Укрывательство хоть и косвенного, но преступника – наказуемо. И конечно,пусти ты бестию... Понимаешь, что рисковала не только своей жизнью? Эта тварь в полном воплощении очень сильна, и хитра. Способна пережрать сотни людей, бесконечно скрываться в катакомбах или даже сбежать из города, где поймать ее и убить будет еще сложнее. В молодости я тоже допускал ошибки и горько за них поплатился. Ты же отделалась легким испугом, но не думай, что в дальнейшем будет все так же просто.

– Я понимаю, – прошептала я. Стыд обжег меня новой, горячей волной.

– Хорошо, – кивнул он. – Тогда к делу.

Анхель выдвинул ящик стола и извлек оттуда несколько гербовых листов.

– Перво-наперво, – он взял в руки перо, – сдашь свою лицензию в приемную. Взамен получишь личный знак ученика. Магией тебе теперь предстоит заниматься плотно, и махать перед носом у каждого стражника бумажкой – непозволительная роскошь. Времени у тебя на это не будет.

Он быстро начертал несколько строк, размашисто расписался и, достав из того же ящика небольшую восковую пластину, положил ее на документ. Перстень на его пальце вспыхнул алым, и воск, оплавившись, застыл идеальной печатью с гербом Карающих Мечей.

Тысяча вопросов роилась у меня в голове, но я молчала, боясь спугнуть это хрупкое, невозможное мгновение.

– Далее, – Анхель отложил первый лист и взялся за второй. – С этим пойдешь в казначейство. Жалованья, как полноправный член ордена, ты пока получать не будешь, но и голодом мы своих учеников не морим.

Ритуал с печатью повторился.

– И последнее. Это – список необходимой литературы. Медитативные техники, трактаты по контролю, история... – он подмигнул, – так тобой любимая. Помимо теории, будет и практика. С этого дня твой наставник – Асграл.

– Выдрессирую нашу Рэннию в два счета, командир! – раздался за спиной бодрый голос. Я вздрогнула от неожиданности. – Не подведу!

Не успела я и слова вымолвить, как Асграл подхватил меня под руку и, весело тараторя, поволок за собой. Я даже не успела поблагодарить Анхеля. Все завертелось в безумном калейдоскопе: коридоры, кабинеты, хмурые лица, скрип перьев...

А потом я оказалась на улице. Одна. В одной руке – тяжелая стопка книг, в другой – увесистый кошелек с моим первым жалованьем. На груди, под плащом, холодил кожу новенький металлический знак ученика Карающих Мечей.

– Жду завтра с утра на плацу! – Асграл, уже стоявший у ворот, хлопнул меня по плечу. – И не опаздывай, красotka!

И он растворился в гуще толпы, оставив меня одну посреди улицы, оглушенную, ошеломленную, сжимающую в руках доказательства своей новой, невозможной жизни.

– Ешь и слушай. – Ингис сидел напротив меня за столом.

Далеко уйти от штаба Карающих он мне не дал. Схватил за ближайшим поворотом и, не говоря ни слова, потащил в помпезный кабак с гордым названием «Деликатесный кабан». Дорогая мебель, начищенный до блеска пол, тяжелые бархатные шторы на окнах – все здесь кричало о роскоши. Я обнимала стопку книг, не зная, куда себя деть от смущения. Такие места – не для нищих магичек в поношенной одежде.

Теперь же передо мной, на столе, раскинулось целое пиршество. Сколько я живу, я не видела такого изобилия. Дымящийся картофель, истекающий сливочным маслом, румяная курица, горы печеных овощей... и над всем этим великолепием царил густой, наваристый, благоухающий мясной бульон. Мой живот заурчал, как голодный лев, требуя немедленно все это попробовать.

Опасливо, как воришка, я отпила глотокпряного вина из хрустального бокала и принялась за еду, то и дело оглядываясь по сторонам. Мне все казалось, что сейчас меня схватят и вышвырнут на улицу, как нашкодившего котенка, забравшегося тайком на кухню. Ингис же, тихим, почти ласковым голосом, начал рассказывать то, что навсегда изменило мою жизнь.

Во времена давние, еще до короля Вильяма 3, когда о введении лицензий никто и не думал, Карающие Клинки Астрала были организацией, созданной изначально для истребления некромантов и отступников короны. Карающие не засиживались за стенами замка Моон Де Дрим, а путешествовали по стране, участвуя в облавах, выслеживании преступников и не редко бывали в дипломатических миссиях, как охрана высокопоставленного лица, либо даже в роли послгов. То, что мы видим в наши дни, это лишь жалкие останки, некогда крупнейшей и влиятельнейшей организации по борьбе с хаосом и поддержанием порядка на границах королевства.

Тогда же, жила и Селеста Ашера, она занимала высокую должность в рядах Карающих, пользовалась большой популярностью и уважением среди сослуживцев. Обладая огромным магическим потенциалом, Селеста, смогла стать лучшей. Причем ее влияние было настолько велико, что ее послали с дипломатической миссией от лица королевства. И не куда-нибудь, а к эльфам.

– К эльфам?! – Я поперхнулась от удивления и выронила изо рта куриную ножку.

– Не перебивай, – Ингис неодобрительно вздохнул, но все же продолжил.

По каким-то причинам, после отбытия в эльфийскую столицу, Селеста пропала и не выходила на связь. Несколько лет от нее не было ни одной весточки. Решив, что миссия провалена, Селесту досрочно похоронили, не став разбираться в чем дело, так как отношения с

эльфами и так были натянуты и призрачны, Селеста как раз и должна была их наладить и видимо, ничего не получилось. Но однажды, в дождливую промозглую ночь, она вернулась. Промокшая, измученная, она стояла на пороге Академии Магии и Целительства, прижимая к груди сверток из драгоценного эльфийского шелка.

Привратник передал сообщение Ингису, они с Селестой когда-то были хорошими друзьями и по всей видимости, старой подруге попросту было более не к кому обратиться за помощью.

– Селеста?! – он не поверил своим глазам. Он бросился к ней, хотел обнять, но его рука случайно задела драгоценную ношу.

Недовольный плач разрезал шум дождя.

– Тише, тише, моя маленькая, – прошептала она, покачивая сверток и укрывая его от ветра. – Мне нужна твоя помощь, Ингис.

– Чей это ребенок? Что произошло?!

Но плач становился только громче, заглушая его слова.

– Ингис, у меня нет времени, – она просто вложила сверток в его руки, несмотря на его растерянное сопротивление. – Это моя дочь. Ее зовут Рэнния. Прошу, позаботься о ней.

– Я?! Но как?! Я всего лишь учитель в Академии!

– Сейчас не время для споров! – в ее голосе звенела сталь. – Забери ее скорее и унеси в тепло, мы долго шли, Рэнния околела и может заболеть. Мне нужно уходить, Ингис.

– Ты просто исчезаешь на годы, а потом появляешься посреди ночи с ребенком и снова уходишь?! Куда?! – он почти кричал, пытаясь пересилить рев бури и отчаянный плач младенца. Но, взглянув в глаза Селесты, полные слез, он осекся.

– Не бросай ее, – прошептала она. В последний раз она с бесконечной нежностью посмотрела на спящее дитя, поцеловала ее в лоб, а затем, одарив Ингиса слабой, печальной улыбкой, шагнула в слепящий свет портала, открывшегося за ее спиной. Навсегда.

Ингис замолчал, глядя куда-то сквозь меня.

– На следующее утро на штаб Карающих напали. Неизвестный некромант. Он разнес замок в щепки. Никто не смог его остановить. В том бою... погибла и твоя мать, Рэнния. Больше у тебя никого не осталось. Поэтому я, как мог, приютил тебя в Академии.

– Почему... – еда, еще мгновение назад казавшаяся верхом блаженства, превратилась в пепел на языке. Горький ком обиды и разочарования перехватил дыхание. – Почему вы не рассказывали раньше?!

Яд и слезы смешались в моем голосе.

– Я проклинала их! Каждую ночь! Я ненавидела их за то, что они меня бросили! А вы... вы знали. Вы все это время знали, что моя мать – герой, погибший в сражении. Почему вы молчали?!

– Кричи. Плачь. Это твое право, – его голос был усталым, бесконечно усталым. – Я молчал, потому что тот, кто убил ее, все еще на свободе. Это слишком темная, слишком грязная история, чтобы впутывать в нее ребенка.

– При чем здесь это?! – я вскочила, ударив кулаками по столу. Дорогая посуда зазвенела. Все взгляды в зале обратились на нас. – Какое это имеет отношение к правде?!

Ингис не выдержал и схватив меня за плечи, он с силой встряхнул, заставляя замолчать. Его спокойствие и выдержка исчезла, осталась только боль и ярость человека, которому пришлось потерять подругу и остаться одному с ее ребенком на руках.

– При том, глупая ты девчонка, – прошипел он мне в лицо, – что именно голова твоей матери украшала шпиль замка Моон Де Дрим! Кто-то, некромант или отступник, может даже кто-то по страшнее, преследовал ее и вынудил выйти на бой. Можешь ли ты себе представить, что такое облава на Карающих? Они держали в страхе всю страну, тысячи магов, и твоя мать

была сильнейшей из них. И вдруг, в одну ночь Моон Де Дрим превратился в пепелище, перебиты больше половины Карающих и вершиной всему была гибель Селесты!

Ингис немного успокоился, я перепуганная его внезапным напором тихо села обратно на свое место, глотая слезы обиды.

– Кто-то гнался за ней, – жестко повторил Ингис. – Селесте ничего не стоило вернуться к Карающим, собрать отряд и уничтожить любого противника. Но не этого. Она спрятала тебя в никому не нужной, захудалой академии, у старого друга с которым не виделась с детства. Почему не оставить тебя в защищенном до зубов замке Карающих? Отнести к кормилице, после вернуться и забрать. Нет, она знала, что Моон Де Дрим не выстоит, она шла на смерть, отвлекая от тебя неизвестного врага.

Слова застряли в горле, утонув в соленой волне слез.

Всю свою жизнь я носила в себе эту двойственность: жгучую ненависть к тем, кто меня бросил, и тайную, отчаянную надежду однажды их обрести. Я рисовала в своем воображении встречу с родителями тысячу раз. Представляла их лица, слышала голоса. В моих мечтах я прощала их, и наконец-то была не одна.

А теперь... теперь все это разбилось о жестокую реальность. Мою хрупкую, выстраданную мечту растоптал призрак безымянного некроманта, чье злодеяние отняло у меня не только мать, которую я никогда не знала, но и будущее, которым я тайно жила все эти годы.

Ингис, молча бросил на стол несколько монет, подхватил меня под руку и вывел на холодный ночной воздух, подальше от любопытных глаз.

– Прости меня, – его голос был полон горечи. – Я был никудышным опекуном. Но ты – выросла такой же сильной и стойкой как твоя мать. Вступив в ряды Карающих, будь осторожна, кто знает, насколько злопамятной окажется эта тварь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.